

ДЕЛО «ДЕ ХАЭС (DE HAES) и ГИЙСЕЛС (GIJSELS) против БЕЛЬГИИ»

Постановление суда от 24 февраля 1997 г.

В деле «Де Хаэс и Гийселс (De Haes and Gijssels) против Бельгии»,

Европейский суд по правам человека, заседая, в соответствии со статьей 43 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (в дальнейшем - «Конвенция») и соответствующими положениями Регламента Суда В, в виде Палаты, составленной из следующих судей:

г-н Р. Риссдал, Председатель,

г-н Ф. Матчер,

г-н Я. Де Мейер,

г-н И. Фойгель,

г-н Х. М. Моренилья,

сэр Джон Фрилэнд,

г-н А. Б. Бака,

г-жа К. Юнгвирт,

г-н У. Ломус,

а также г-н Х. Петцольд, секретарь, и г-н П. Дж. Мэгони, заместитель секретаря, Проведя 29 октября 1996 г. и 27 января 1997 г. совещания при закрытых дверях,

Выносит следующее постановление, которое было принято 27 января 1997 г.:

ПРОЦЕДУРНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Дело было передано на рассмотрение Суда Европейской комиссией по правам человека («Комиссией») 25 января 1996 г., в течение трехмесячного срока, предусмотренного статьей 32 п. 1 и статьей 47 Конвенции. Оно было возбуждено по жалобе (№ 19983/92) против Королевства Бельгия, поданной в Комиссию 17 сентября 1985 г. двумя бельгийскими подданными, г-ном Лео Де Хаэсом и г-ном Хуго Гийселсом, в соответствии со статьей 25.

Запрос Комиссии основывался на статьях 44 и 48 и на декларации, в которой Бельгия признала обязательность для себя постановлений Суда (статья 46). Предметом запроса было получение решения по вопросу о том, свидетельствуют ли материалы дела о нарушении Государством-ответчиком своих обязательств согласно статьям 6 и 10 Конвенции.

2. В ответ на запрос, сделанный в соответствии с п. 3 (d) статьи 35 Регламента Суда В, заявители сообщили о своем желании принять участие в судебном разбирательстве и назначили адвокатов для представления их интересов в этом разбирательстве (статья 31 Регламента).

3. В состав Палаты, которая должна была разбирать дело, *ex officio* (по должности) вошли г-н Я. Де Мейер как избранный судья бельгийской национальности (статья 43 Конвенции), и г-н Р. Риссдал как Председатель Суда (статья 21 п. 4 (b) Регламента). 8 февраля 1996 г. в присутствии секретаря, Председатель путем вытягивания жребия назначил остальных 7 членов Палаты, а именно: г-на Ф. Матчера, г-на И. Фойгеля, г-на Х. М. Моренилья, сэра Джона Фрилэнда, г-на А. Б. Бака, г-на К. Юнгвирта и г-на У. Ломуса (заключительная часть статьи 43 Конвенции и п. 5 статьи 21 Регламента).

4. В качестве Председателя Палаты (статья 21 п. 6 Регламента), г-н Риссдал, действуя через секретаря, провел с представителем бельгийского правительства («Правительство»), адвокатами заявителей и представителем Комиссии консультации по вопросам организации судебных слушаний (статьи 39 п. 1 и 40 Регламента). По получении соответствующих предписаний, заявители и Правительство 26 июня 1996 г. подали секретарю свои письменные соображения и замечания. 9 октября Комиссия предоставила секретарю различные документы, которые тот запросил у нее по поручению Председателя.

5. В соответствии с решением Председателя, слушание дела проводилось публично во Дворце прав человека в Страсбурге 23 октября 1996 г. Предварительно Суд провел подготовительное заседание.

Перед Судом предстали:

(a) со стороны Правительства -

г-н Й. Латоуверс, заместитель юрисконсульта, директор отдела, Министерство юстиции, Представитель,

г-н Э. Бревэйс, член брюссельской коллегии адвокатов, Советник,

(b) со стороны Комиссии -

г-н Й. -Ц. Геус, Представитель;

(с) со стороны заявителей -

г-н Х. Ванденберге, член брюссельской коллегии адвокатов,

г-н Э. Ван дер Мусселе, член коллегии адвокатов Антверпена, Советники.

Суд заслушал выступления г-на Геуса, г-на Ванденберге и г-на Бревэйса.

ФАКТИЧЕСКАЯ СТОРОНА ДЕЛА

I. Обстоятельства дела

6. Г-н Лео Де Хаэс и г-н Хуго Гийселс проживают в Антверпене и работают в еженедельном журнале «Хум» на должностях редактора и журналиста, соответственно.

A. Иск о возмещении ущерба, поданный против заявителей

7. 26 июня, 17 июля, 18 сентября, а также 6 и 27 ноября 1986 г. заявители опубликовали пять статей (см. п. 19 и далее ниже), в которых обстоятельно и в весьма резких выражениях критиковали судей Апелляционного суда Антверпена за то, что те в бракоразводном процессе вынесли решение оставить детей при отце, некоем г-не Х, бельгийском нотариусе; в 1984 г. жена, тесть и теща нотариуса подали жалобу на нотариуса, обвинив его в кровосмешении и совращении детей, однако в конечном счете было вынесено постановление об отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела.

8. Г-н Х возбудил дело о диффамации против лиц, подавших на него жалобу с обвинениями. Уголовный суд Мехелена, а впоследствии и Апелляционный суд Антверпена, оправдали ответчиков 4 октября 1985 г. и 5 июня 1986 г., соответственно. Апелляционный суд, среди прочего, указал:

"В настоящее время постановления об отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела показывают, что обвинения были признаны судом безосновательными. Однако не

было доказано, что ответчики действовали недобросовестно, т.е. злонамеренно. У них не было достаточных оснований сомневаться в правильности выдвигаемых ими обвинений.

Действительно, в правильности обвинений были уверены не только ответчики, но и такие выдающиеся ученые, как профессор [МА] ... и доктор [МВ], детский психиатр, которые оба были назначены экспертами судьей, ведущим судебное следствие, - г-ном [УЕ]...

На слушании в Уголовном суде 6 сентября 1985 г. ... эксперт [МВ] подтвердил под присягой содержание своего отчета.

Этот эксперт, о котором нельзя сказать, что у него недостаточно опыта в области детской психологии, и который изучил все материалы данного уголовного дела, сделал 28 августа 1984 г. вывод о том, что высказывания детей заслуживают доверия, и выдвинул ряд аргументов в поддержку этой точки зрения".

20 января 1987 г. Кассационный суд отклонил поданную г-ном Х жалобу по вопросам права.

1. В Суде первой инстанции Брюсселя

9. 17 февраля 1987 г. трое судей и генеральный адвокат Апелляционного суда Антверпена, - г-жа [УА], г-н [УВ], г-н [УС] и г-н [УД], - возбудили в Суде первой инстанции Брюсселя дело против г-на Де Хаэса и г-на Гийселса, а также против редактора, издателя, законного представителя, типографии и дистрибьютора еженедельника "Хум". На основе статей 1382 и 1383 Гражданского кодекса (см. п. 26 ниже), они требовали возмещения ущерба, нанесенного утверждениями, содержащимися в статьях, о которых идет речь, - утверждениями, которые были охарактеризованы как в высшей степени клеветнические. Они просили суд обязать ответчиков выплатить каждому из них по одному франку в качестве номинального возмещения морального вреда; обязать их опубликовать судебное решение в еженедельнике "Хум" и дать истцам разрешение опубликовать это судебное решение в шести ежедневных газетах за счет ответчиков.

10. Для того чтобы гарантировать принцип равенства сторон и надлежащей правовой процедуры, ответчики в своих дополнительных представлениях от 20 мая 1988 г. просили суд потребовать от прокурора представить документы, упомянутые в оспариваемых статьях, или хотя бы изучить поданное в судебные органы мнение профессоров [МА], [МС] и [МД] о медицинском состоянии детей г-на Х. В качестве оснований для своей жалобы они привели следующие доводы:

"Встает вопрос, имели ли ответчики, принимая во внимание имевшиеся в их распоряжении фактические данные, право публиковать в рамках свободы печати оспоренные критические замечания по поводу функционирования судебного органа.

...

В оспариваемой статье ответчики полагались, в частности, на различные медицинские отчеты, заявления сторон и отчеты судебного пристава.

...

Нельзя отрицать того факта, что иск г-на X против его жены по обвинению в диффамации был отклонен.

Теперь, когда требуется установить, имели ли ответчики право публиковать оспариваемые статьи в прессе на основании имевшейся у них информации, для надлежащего ведения судебного дела необходимо, чтобы прокурор, действующий в деле согласно статье 764-4 Судебного кодекса, представил в суд документы, упомянутые в серии статей в качестве источников. Эти документы находятся в разных судебных делах.

Любая дискуссия относительно законности критических выступлений в прессе предполагает по меньшей мере то, что суд изучит мнение профессоров [MA], [MC] и [MD] об обращении с детьми X, которое было послано в судебные органы.

Мнение этих выдающихся профессоров медицины было определяющим фактором, побудившим журнал "Хум" опубликовать серию оспариваемых статей.

Выражаемые ответчиками взгляды и используемые ими язык и литературные средства нельзя оценивать абстрактно; их следует оценивать в свете этих данных, относящихся к существу дела.

Так, Европейский Суд в деле Лингенса (судебное постановление от 8 июля 1986 г., Серия А. т. 103) постановил, что вопрос о рамках осуществления права на свободу слова следует рассматривать с учетом всех обстоятельств дела:

'Суд должен учитывать обстоятельства дела в целом, включая статьи, вменяемые в вину заявителю, и контекст, в котором они были написаны' (п. 40 судебного постановления).

...

По этим основаниям ... мы просим суд ... вынести решение о том, что для надлежащего ведения судебного процесса, в особенности в свете принципа равенства сторон и надлежащей правовой процедуры, необходимо потребовать от прокурора представить документы, цитируемые в оспариваемых статьях, появившихся в журнале "Хум", или хотя бы изучить поданное в судебные органы мнение профессоров [МА], [МС] и [MD] о медицинском состоянии детей X".

11. 29 сентября 1988 суд обязал г-на Де Хаэса и г-на Гийселса выплатить каждому истцу по одному франку в качестве номинального возмещения морального вреда и опубликовать в еженедельнике "Хум" полный текст судебного решения; он также разрешил истцам напечатать за счет заявителей судебное решение в шести ежедневных газетах. Наконец, он объявил иск неприемлемым в части, направленной против других ответчиков.

Суд, среди прочего, постановил:

"Очевидно, что истцы не оспаривают свободу слова и печати, которые гарантируются в статьях 14 и 18 Конституции и п. 1 статьи 10 [Европейской конвенции о защите прав человека]. Равным образом, ответчики не могут оспаривать то, что эта свобода не является неограниченной, и что существуют определенные рамки, за которые заходить нельзя. Как мы уже указывали ..., статья 10 п. 2 Конвенции не является препятствием к подаче гражданского иска в соответствии со статьей 1382 Гражданского кодекса, в случае, если пресса действовала неправомерно.

Статья 10 п. 2 Конвенции явно предусматривает, что свобода печати 'может быть сопряжена с... ограничениями ... которые предусмотрены законом и необходимы ... для защиты репутации или прав других лиц ... или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия'. Потребность в защите частной жизни истцов (п. 1 статьи 8 Конвенции) и, более конкретно, их чести и репутации, означает, в случае статьи в прессе, пресса должна (1) стремиться соблюдать истину; (2) не допускать неоправданных оскорблений; и (3) уважать неприкосновенность личной жизни граждан. Эти критерии сформулированы в составленной Международной федерацией журналистов 'Декларации о правах и обязанностях журналистов'. В статьях, о которых идет речь, ответчики часто упоминают то обстоятельство, будто бы истцы проявили предвзятость и допустили ошибку в своем решении. Ответчики считают безоговорочно правильным заявление, сделанное бывшей женой г-на X и ее советником-экспертом (профессором [МА]), хотя в мотивировочной части четырех вынесенных по делу решений приведены веские аргументы, почему это заявление не заслуживает доверия. Еще важнее то, что в рассматриваемых статьях ответчики выразили мнение, что истцов следует считать предвзятыми, - мнение, выведенное из того, что они, как было сказано, принадлежат к влиятельному кругу знакомых нотариуса и его отца; что отец одного из них был

генералом жандармерии и в 1948 г. был осужден за коллаборационизм; что они якобы имеют правозэкстремистские корни и дружат друг с другом.

Поведение истцов встретило решительный и крайне резкий отпор со стороны ответчиков. Ответчики явно стремились представить истцов в неприглядном свете и дискредитировать их в глазах общественности. Они пытались создать у своих читателей впечатление, что истцы были на стороне отца детей, а их суждения были инспирированы определенными идеологическими взглядами. С этой целью, ответчики без нужды напомнили читателям о деятельности отца одного из истцов во время войны.

Истцы правильно заметили, что их нельзя ставить наравне с членами законодательной или исполнительной ветвей власти. Политики избираются народом, и общественность должна им доверять. Кроме того, политики могут использовать средства массовой информации для защиты себя от всяческих нападок. Магистраты [термин, которой в бельгийском праве охватывает как судей, так и членов прокуратуры], с другой стороны, должны выполнять свои обязанности полностью независимо и непредвзято. Возлагаемая на них обязанность проявлять сдержанность не позволяет им реагировать и защищать себя так, как это делают, например, политики. Таким образом, ответчики были виновны в нападении на честь и репутацию истцов посредством безответственных обвинений и оскорбительных инсинуаций. Распоряжения, издания которых добиваются истцы, должны обеспечить им надлежащее удовлетворение за понесенный моральный вред ...".

2. В Апелляционном суде Брюсселя

12. Заявители обжаловали это решение. В своей жалобе от 10 ноября 1989 г. они указали, среди прочего, что единственной целью статей, о которых идет речь, была критика функционирования судебной системы в связи с проведенным выступающими в качестве ответчиков судьями и генеральным адвокатом разбирательством дела, касающегося возможного жестокого обращения и кровосмесительных связей с детьми. Они никогда не опускались до критики частной жизни ответчиков безотносительно к ее влиянию на оспариваемое решение. Г-н Де Хаэс и г-н Гийселс повторили свое предложение предъявить доказательства указанных в статьях фактов, и просили суд потребовать от генерального прокурора Антверпена предоставить упомянутые ими документы, хотя бы те из них, которые исходят от профессоров [МА], [МС] и [MD], и из досье бракоразводного процесса X, в особенности, некоторые отчеты и письмо профессора [МА] генеральному прокурору.

13. Ответчики ходатайствовали об утверждении решения нижестоящего суда. Согласно их аргументации, поведение заявителей было тем более предосудительным и оскорбительным, что в статье, появившейся в номере "Хум" за 14 октября 1988 г. (см. п. 24 ниже), заявители не только повторно обвинили трех судей и генерального адвоката в предвзятости, но и критиковали поименно, в оскорбительных выражениях, судей, вынесших решение от 29 сентября 1988 г. (см. п. 11 выше).

14. 5 февраля 1990 г. Апелляционный суд Брюсселя оставил в силе это решение, указав, среди прочего:

"..., как представлено обвинением, не должно и не может быть предпринято никаких мер по обращению апеллянтов в суд с тем, чтобы 'потребовать от генерального прокурора Антверпена представить в Суд документы, цитируемые в оспариваемой статье, появившейся в еженедельнике "Хум", и в частности - согласно статье 877 Судебного кодекса - 'все документы из досье по делу X'.

Как уже указывалось, в задачи суда не входит - как впрочем, не входит и в его юрисдикцию - рассматривать дело по жалобе из Суда по делам несовершеннолетних, по которому уже было принято решение Апелляционным судом Антверпена. Отсюда следует, что возможная линия поведения, - которая является исключительно дискреционной (Кассационный суд, 2 июня 1977 г., Pas[icrisie] 1977, I, 1012), - предусмотренная в статье 877 Судебного кодекса и заключающаяся в издании судебного приказа о том, что документы, о которых идет речь, должны быть включены к досье настоящего дела, не будет служить никакой полезной цели.

Таким образом, апеллянты вынуждены признать, что они допустили комментарии по судебному делу и опорочили честь магистратов, не имея в своем распоряжении всей необходимой информации, и это делает полнейшую безответственность их злобных нападок еще более вопиющей.

Они еще более усугубляют свое положение тем, что предлагают 'доказать упомянутые в соответствующих статьях факты любыми законными средствами, включая допрос свидетелей, до вынесения судебного решения по делу', - предложение, которое не только следует отклонить как несвоевременное, но и которое отчетливо показывает, - и это главный пункт, который следует здесь рассмотреть, - насколько невнимательно и при какой нехватке информации были написаны рассматриваемые статьи и выдвинуты обвинения, даже до того, как у апеллянтов появились достаточные основания считать их правильными.

В настоящем деле предложение ответчиков, о котором идет речь, никоим образом не могло поддержать доводы апеллянтов; напротив, оно ясно показывает, что первоначальные аргументы истцов были обоснованными; более того, ему также недостает требуемой точности.

Апеллянтам недостаточно - как они, тем не менее, делают - предложить доказать, что всё ранее ими написанное по поводу 'данного дела' истинно; им надлежит подробно, пункт за пунктом, указать, какой точный и отчетливо описанный факт - 'точный и относящийся к делу' в формулировке статьи 915 Судебного кодекса - предлагается в качестве доказательства. Это нужно для того, чтобы позволить противоположной стороне привести опровергающие доказательства и дать Суду возможность оценить существенность и

значимость приведенных фактов; апеллянты даже не потрудились соблюсти это требование.

Более того, Суд уже обладает всей необходимой информацией, позволяющей ему, исходя из полного знания фактов, принять решение о том, действительно ли диффамация имела место.

...

Что касается существа дела, нижестоящий суд, по ... существенным основаниям, которые не были опровергнуты и с которыми данный Суд соглашается, постановил, что первоначальный иск против апеллянтов был обоснованным, потому что апеллянты, несомненно, совершили грубое нарушение при дискредитации чести и репутации первоначальных истцов посредством необоснованных обвинений и оскорбительных инсинуаций.

Свобода слова и печати, гарантируемая статьями 14 и 18 Конституции и п. 1 статьи 10 [Европейской Конвенции о защите прав человека] не является неограниченной; определенные рамки переступать нельзя и, как уже указывалось, возможно, согласно статьям 1382 и 1383 Гражданского кодекса, возбудить дело о возмещении ущерба в случае незаконных действий прессы.

Более того, в связи с правонарушением, о котором идет речь, статьи 443 и последующие Уголовного кодекса также относятся к действиям, которые могут причинить вред чести лица или выставить лицо на общественное порицание. Диффамация органов государственной власти наказывается таким же образом, как и диффамация частных лиц. Именно на такого рода диффамацию жаловались первоначальные истцы по этому делу, и она, несомненно, подпадает под незаконные 'действия, наносящие ущерб другому лицу', о которых говорится в статье 1382 Гражданского кодекса".

Нет оснований для отстаиваемого апеллантами мнения, что 'статья 443 Уголовного кодекса - единственное положение бельгийского законодательства, разрешающее судам ограничивать свободу придерживаться мнения с целью защиты чести и репутации других лиц; ни статья 764, 4 Судебного кодекса, ни статья 1382 Гражданского кодекса не допускают этого'. Согласно данному доводу, пресса, и только она, не подпадает под действие изложенного в статьях 1382 и 1383 Гражданского кодекса общего правила, которое налагает на 'каждого' обязанность действовать правомерно и делает каждого ответственным за любой ущерб, вызванный его собственным 'действием', 'бездействием' или 'небрежностью'.

Согласно п. 2 статьи 10 Конвенции, свобода печати может быть сопряжена с такими ограничениями, которые предусмотрены законом и необходимы, как в настоящем деле,

для защиты репутации или прав других лиц, или для обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

В соответствии со статьей 8 п. 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, для обеспечения уважения частной жизни требуется, чтобы статьи в прессе были правдивыми, чтобы они не были неоправданно оскорбительными, и чтобы в них уважалась неприкосновенность личной жизни, - критерии, которые были сформулированы в 'Декларации о правах и обязанностях журналистов', составленной Международной федерацией журналистов и одобренной журналистами ежедневных газет из различных стран Европейского Сообщества в Мюнхене 24 и 25 ноября 1971 г., где Бельгия была представлена Профессиональным союзом бельгийской прессы.

Апеллянты никоим образом не могут ссылаться на статью 19 Международного пакта о гражданских и политических правах или на Всеобщую декларацию прав человека, поскольку в них также нет упоминания о неограниченной свободе слова.

Более того, апеллянты не объяснили, и вообще, трудно понять, почему общепринятая концепция вины, явно сформулированная в статье 1382 и последующих статьях Гражданского кодекса, несовместима со статьями 8 п. 1 и 10 п. 2 Конвенции (чье преимущество не ставится здесь под вопрос) в связи с ограничениями на свободу, предусмотренными законом, и защитой частной жизни, которая является здесь предметом спора; не объяснили они и того, почему только журналисты исключаются из сферы действия этих положений.

В этой связи, Суд целиком соглашается с соответствующими основаниями, изложенными в решении нижестоящего суда, и принимает их во всей полноте.

...

Общеизвестно, что в деле Бруно Крайского Европейский Суд по правам человека решил, что имевший отношение к этому делу австрийский журналист Лингенс яростно критиковал г-на Крайского исключительно как политика и, следовательно, не нарушил его права на уважение частной жизни. В настоящем деле, напротив, это право было в полном смысле слова оспорено апеллантами, причем в весьма грубой форме.

Употребленные ими слова и инсинуации, допущенные в статьях и отрывках, о которых идет речь, носят чрезвычайно злобный и оскорбительный характер, так как первоначальные истцы, названные по имени, обвиняются в предвзятости в своем качестве старших магистратов; исподволь внушается, что они связаны с ВМО [«Фламские милитантен орде» - Vlaamse Militanten Orde], имеют правоэкстремистские корни и принадлежат к кругу друзей отца детей, который, по мнению апелланта, также является правым экстремистом; так что принятых первоначальными истцами судебных решений в

отношении опеки над детьми и следовало ожидать, - и всё это без приведения каких бы то ни было серьезных и объективных доказательств, что обвинения против этих магистратов имеют под собой какую-либо фактическую базу.

...

Апеллянты явно намеревались создать у читателей впечатление, будто указанные судьи и генеральный адвокат примкнули к одной из сторон по делу и, более того, их решения инспирированы определенными идеологическими взглядами.

Ко всему прочему, без всякой необходимости и весьма неуместным образом они напомнили читателям о том, чем во время войны занимался покойный отец второго ответчика, - с чем второй ответчик не имел абсолютно ничего общего, и что, несмотря на мнение апеллянтов об обратном, принадлежат исключительно к защищенной сфере частной жизни. Даже если апеллянты полагали возможным приписать ответчикам определенные идеологические взгляды (наличие которых у них они не сумели доказать), это ни в коем случае не позволяет им - даже если бы это было ими доказано - делать отсюда прямой вывод, что магистраты не были беспристрастны, и критиковать такую предвзятость публично.

Ни в одном из этих подозрений или слухов, направленных против судей и генерального адвоката, возбудивших первоначальное уголовное дело, нет и крупинки правды, и заявители даже лгали в своей статье от 6 ноября 1986 г. (стр. 19), когда утверждали, что решенное этими судьями дело было отозвано от них Кассационным судом, тогда как теперь в своих дополнительных объяснениях (стр. 6) им пришлось признать, что 'генеральный прокурор в Кассационном суде отказался отдать распоряжение о передаче дела в другой суд (в соответствии со статьей 651 Судебного кодекса)!'.

6 ноября 1986 г. они объявили: 'В прошлый четверг дело Вима и Яна приняло драматический правовой поворот. По ходатайству генерального прокурора ..., Кассационный суд отозвал дело X из суда Антверпена и передал его в Суд Гента [первой инстанции] в надежде на то, что гентские магистраты окажутся менее предвзятыми ...!'.

Общеизвестно, что они вернулись к этой теме 27 ноября: '... Высказанное нами две недели назад предположение, что жутко медленные подвижки в деле Вима и Яна, скорее всего, полностью застопорят дело в судах Антверпена, оправдалось на все 100 %. Наперекор всем свидетельствам, Кассационный суд посчитал, что антверпенские суды нельзя обвинить в какой-либо предвзятости в этом деле о кровосмешении, и поэтому разбирательство всего дела целиком может быть продолжено в Антверпене ...!'.

Лживые отчеты такого рода, однако, нанесли первоначальным истцам невозместимый ущерб, поскольку подвергнуться обвинению в предвзятости - наихудшее из оскорблений, которое может быть нанесено магистрату.

Исключительную резкость безответственной критики апеллянтов, можно, наверное, объяснить, но не оправдать, определенными политическими спорами (которые, действительно, не служат интересам правосудия), как было признано самими апеллянтами в номере еженедельника "Хум" за 12 февраля 1987 г.: '... Если в деле г-на Х и требовалось какое-либо новое доказательство наличия кулуарных интриг и того, что политическая принадлежность действующих лиц определенно сыграла в нем свою роль, то эта (преждевременная?) утечка в прессу является одним из самых убедительных доказательств ...'.

Из-за неприемлемой манеры, в какой они были атакованы в оспариваемых статьях, первоначальные истцы предстали перед общественностью в особо неприглядном свете, а их честь и репутация оказались серьезно подорваны оскорбительными высказываниями, которые, без всякого сомнения, намного превосходили то, что апеллянты называли 'держанием удара'.

Тем не менее, по сути дела апеллянты считают свой агрессивный стиль и оскорбительные нападки оправданными в маленьком издании вроде "Хум", которую они называют безусловно критической и антибуржуазной'.

Впрочем, хотя при вынесении постановления о клеветническом характере статей, опубликованных в журнале такого рода с явно критической позицией по отношению к буржуазному обществу, нельзя применять те же самые критерии, как в случае клеветнических статей в 'обычной' газете, тем не менее, следует признать, что при критических выступлениях даже в откровенно критическом журнале следует соблюдать определенные правила, нельзя переступать определенных рамок и недопустимо публиковать ложную информацию и бездоказательные обвинения с очевидной целью унижить и задеть конкретных лиц, поскольку такого рода действия, несомненно, представляют собой злоупотребление свободой печати.

Хотя люди, несомненно, имеют право быть 'антибуржуазными' (?), это не дает им основания распространять среди населения самые нелепые слухи, каким бы ограниченным не был круг их читателей, - публикуя, например, следующее: 'Генеральный адвокат [YD] был недавно отстранен, и весьма справедливо, от этого дела за то, что он превысил свои полномочия' ("Хум", 17 июля 1986 г., стр. 6 и 7).

Тем не менее, хотя апеллянты теперь, в своих дополнительных представлениях, отступили и говорят, что их прежнее утверждение об 'отстранении' генерального адвоката было 'персональной интерпретацией того факта, что в определенный момент времени тот перестал принимать участие в заседаниях', подобная 'интерпретация' должна побудить

этих 'журналистов' - каким бы 'персональным' ни был их стиль - к тому, чтобы в будущем при занятии своей профессией более разборчиво относиться к средствам.

В номере еженедельника "Хум" за 14 октября 1988 г. (стр. 15) - т.е. во время настоящего судебного разбирательства, апеллянты еще более ухудшили свое положение, снова обвинив первоначальных истцов в предвзятости и, критикуя, в столь же оскорбительных выражениях, судей, вынесших решение в первой инстанции, которые к тому же были названы поименно.

В этой статье, среди прочих вещей, утверждается: '... Вице-президент [YF], и другие судьи, [YG] и [YH], отнеслись к разбирательству дела небрежно (sic) ... Интересно, действительно ли их светлости прочли предложенные нашим еженедельником доводы ... "Хум" со своей стороны никогда не поднимал вопросы, хоть как-то связанные с частной жизнью судей (sic) ... Очевидно, брюссельским судьям [YF], [YG] и [YH] не удалось вынести решение с необходимой степенью беспристрастности и независимости от их коллег - судей Апелляционного суда Антверпена. Таким образом, они продолжают линию предвзятых решений ...'

Это можно расценить как совершенно неуместную и преступную попытку повлиять [на членов этого Суда], в особенности, потому, что апеллянты через адвоката в своем заявлении (стр. 27) предсказывают, будто бы ни одна газета не станет публиковать данное решение.

Что касается «небрежности» при разбирательстве дела, то апеллянты до сих пор не осознали, что обычно (что весьма справедливо) суды должны уделять большее внимание - как они и сделали в настоящем деле - заключениям свидетелей-экспертов, которых назначили сами суды и которые никак не связаны с тяжущимися сторонами, и чья объективность поэтому не может быть поставлена под вопрос ни одной из сторон, чем - как делают апеллянты - собственным экспертам тяжущейся стороны, чьи расследования, оценки и заключения, однако, составляют основное и даже единственное свидетельство, на которое апеллянты считают себя вправе полагаться в своих критических выпадах.

К сожалению, слишком часто случается, особенно в судебных делах, что даже выдающиеся университетские профессора и специалисты, - в настоящем деле, не менее трех от каждой из сторон, - противоречат один другому и, особенно в области психологии и психиатрии, придерживаются диаметрально противоположных взглядов, - причем каждый из них уверен на 100 % в правильности своего мнения; это должно побуждать всех, в особенности журналистов, воздерживаться от обвинений в предвзятости, - т.е. самых серьезных из всех имеющихся обвинений, - по отношению к судьям, которые должны принять окончательное решение по такому запутанному делу, как опека над несовершеннолетними детьми, где всегда бушуют очень сильные страсти, и которые неизбежно должны предпочесть одну из различающихся версий, выдвинутых сторонами в процессе.

В данном деле апеллянты осмелились пойти еще дальше, бездоказательно утверждая, что предвзятость связана с личностными качествами судей и генерального адвоката. Тем самым, они вторглись в их частную жизнь, что, без сомнения, противозаконно.

Кроме того, цель настоящего судебного разбирательства состоит не в том, чтобы решить, в чем, в конечном счете, заключается объективная истина по делу, а лишь в том, можно ли считать рассматриваемые комментарии клеветническими; а в этом нет ни малейшего сомнения

Хотя апеллянты и отказались признать это, положение магистратов нельзя безоговорочно приравнивать к положению политиков, которые всегда могут защищать себя адекватно и сразу же, устно или письменно, против предосудительных личностных нападок, и потому находятся в менее уязвимом положении, чем магистраты, у которых нет ни возможности, ни права поступать таким же образом.

Положение магистрата радикальным образом отличается от положения других государственных служащих и политиков. Оно основывается не на каких-либо привилегиях или традициях, а на том, что необходимо для отправления правосудия, а это влечет за собой определенные задачи и обязанности (см. речь, произнесенную Ф. Дюмоном, бывшим генеральным прокурором Кассационного суда, на открытии новой судебной сессии 1 сентября 1981 г., 'Le pouvoir judiciaire, inconnu et mesconnu', стр. 64).

Учитывая свободу действий, предоставленную им в силу возлагаемых на них функций, магистраты не могут защищаться таким же образом, как, например, политики, если отдельные газеты, по-видимому, падкие на сулящие барыши сенсационные истории, нападают на них и смешивают их с грязью.

Большинство из приведенных в этой связи апеллянтами случаев из прецедентного права и экспертных заключений юристов касаются, однако, чисто политических дел, и потому не имеют отношения к настоящему делу.

В отличие от политика, судья не может публично обсуждать разбираемое им дело с целью оправдать свое поведение, поэтому тот аргумент, что [первоначальные истцы] не воспользовались своим правом на ответ, не может выдвигаться против них апеллянтами (см. Ganshof van der Meersch, бывший генеральный прокурор в Кассационном суде, 'Considerations sur l'art de dire le droit', особенно стр. 20); на эту обязанность действовать благоразумно недавно вновь сослался Кассационный суд (Кассационный суд, 14 мая 1987 г., [Journal des Tribunaux] 1988, стр. 58)".

3. В Кассационном суде

15. Г-н Де Хаэс и г-н Гийселс обратились в Кассационный суд, который отклонил их жалобу по вопросам права 13 сентября 1991 г. (Pasicrisie 1992, I, стр. 41).

16. В своем первом основании жалобы они, полагаясь, в частности, на п. 1 статьи 6 Конвенции, утверждали, что имело место нарушение их права на независимый и беспристрастный суд. По их мнению, отдельные места в решении Апелляционного суда возбуждают серьезные сомнения относительно беспристрастности написавших их лиц. Это касается, например, слов "маленькое издание вроде "Хум""", слова "sic" в извлечении из статьи за 14 октября 1988 г. (см. п. 24 ниже) по поводу решения от 29 сентября 1988 г. (см. п. 11 выше), ряда знаков препинания, таких, как вопросительный знак после термина "антибуржуазный", и утверждения, что статья от 14 октября 1988 г. была "совершенно неуместной и преступной попыткой повлиять на [членов Апелляционного суда]". Заявители также жаловались на нарушение надлежащей правовой процедуры, так как, по их утверждению, Апелляционный суд сослался на статью от 14 октября 1988 г. по собственному побуждению, и они не смогли выступить с защитой по этому пункту.

Кассационный суд отклонил это основание, посчитав, что "из того единственного факта, что в своем решении апелляционные судьи показали, что они предпочитают аргументы одной из сторон и не одобряют доводы других сторон, нельзя делать вывод, что имело место нарушение законоположения и общих принципов, на которые полагается эта ветвь основания жалобы". Что касается статьи, появившейся в номере еженедельника "Хум" за 14 октября 1988 г., апелляционные судьи обратились к ней не по собственному побуждению, а потому, что ответчики по апелляции по вопросам права упомянули ее в своих представлениях в Апелляционный суд.

17. В своем втором основании жалобы г-н Де Хаэс и г-н Гийселс жаловались на нарушение статей 8 и 10 Конвенции. Вынося против них решение на основе общего понятия вины в статьях 1382 и 1383 Гражданского кодекса, Апелляционный суд, по их утверждению, сопряг осуществление их свободы слова с формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые не предусмотрены "законом" в смысле статьи 10 п. 2 Конвенции (первая ветвь). Более того, указав, что статьи в печати должны быть правдивыми, не быть неоправданно оскорбительными и уважать неприкосновенность личной жизни граждан, Апелляционный суд ввел ограничения, превосходившие то, что строго необходимо в демократическом обществе; интерес в публичном обсуждении функционирования судебной системы превышал по значимости заинтересованность магистратов в защите от критических выступлений в их адрес (вторая ветвь). Наконец, имеющиеся в деле показания не обосновывают заключение Апелляционного суда о том, что обжалуемые статьи в журнале нарушили вышеупомянутые ограничения (третья ветвь).

Кассационный суд отклонил это основание жалобы, указав, в частности:

"Относительно первой ветви:

При вынесении заключения о том, что апеллянты несут ответственность за последствия своих статей в прессе, Апелляционный суд основал свое решение не только на выводе, - частично процитированном в этой ветви основания жалобы, - что апеллянты совершили противоправное действие, и что они 'не объяснили, и вообще, трудно понять, почему общепринятая концепция вины, явно сформулированная в статье 1382 и последующих Гражданского кодекса, несовместима со статьями 8 п. 1 и 10 п. 2 Конвенции', но и на правильно поднятном ответчиками неоспоримом аргументе, что апеллянты виновны в диффамации, как она определяется в статье 443 и дальнейших статьях Уголовного кодекса.

В решении Апелляционного суда излагаются основания (не оспариваемые в этой ветви основания жалобы) для вывода о том, что апеллянты совершили нарушение в смысле статьи 1382 Гражданского кодекса.

Эта ветвь не может оправдать отмену решения нижестоящего суда и, соответственно, является неприемлемой, как и утверждали ответчики.

Относительно второй ветви:

Согласно цитированной ранее статье 10, осуществление права на свободу слова может быть сопряжено с ограничениями или санкциями, которые необходимы в демократическом обществе для защиты репутации или прав других лиц, или для обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

Когда их просят наказать данное злоупотребление свободой слова, затрагивающее членов судейского корпуса, суды должны прилагать все усилия, чтобы поддерживать справедливый баланс между требованиями свободы слова и ограничениями, допустимыми согласно п. 2 статьи 10 вышеупомянутой Конвенции.

В настоящем деле Апелляционный суд построил свое решение о том, что апеллянты злоупотребили свободой слова, гарантированной статьей 10 п. 1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не только на необходимости защитить частную жизнь ответчиков, но и на не вызывающих возражения основаниях, что сделанные обвинения не были доказаны, критика была направлена против конкретных, названных по имени судей, рассматриваемые темы не имели отношения к вынесенным решениям, а обвинения были инспирированы желанием причинить вред самим ответчикам и нанести ущерб их репутации.

Установив, как следует из текста судебного решения, что, 'в соответствии с п. 1 статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, для обеспечения уважения частной

жизни требуется, чтобы статьи в прессе были правдивыми, чтобы они не были неоправданно оскорбительными, и чтобы в них уважалась неприкосновенность личной жизни', Апелляционный суд встал на ту точку зрения, что следует найти равновесие между интересами свободы печати и частными интересами; тем самым, он не принял решения, будто общий интерес в публичном обсуждении функционирования судебных органов менее значим, чем частные интересы, и не прибавил какого-либо ограничения к исключениям, исчерпывающе изложенным в п. 2 статьи 10.

Эта ветвь основания жалобы не может быть допущена.

Относительно третьей ветви:

Учитывая вышеупомянутые соображения, третья ветвь не имеет фактической основы".

18. В своем третьем основании жалобы заявители жаловались на отказ Апелляционного суда Брюсселя принять в рассмотрение все свидетельства, имевшиеся в распоряжение Апелляционного суда Антверпена, и разрешить им использовать любые средства для доказательства истинности своих утверждений. Тем самым, по их утверждению, были нарушены статьи 6 и 10 Конвенции.

Кассационный суд постановил:

"Апелляционный суд решил отказать апеллянтам в удовлетворении ходатайства о разрешении им доказать истинность своих обвинений; в частности, он отказался издать распоряжение, по которому в качестве доказательства должны быть допущены досье по делам, давшие начало решениям, подвергшимся критике в прессе.

Он основал свое решение не только на основаниях, процитированных в основании жалобы, но и на отдельных, неоспоримых выводах: апеллянты признали, что они опорочили репутацию магистратов, не обладая всей необходимой информацией, а это само по себе составляло нарушение; предложение представить доказательства было несвоевременным и недействительным; а Апелляционный суд располагал всей необходимой информацией, позволяющей ему, исходя из полного знания фактов, принять решение о том, действительно ли диффамация имела место.

Это основание жалобы не может оправдать отмену решения нижестоящего суда и, соответственно, является неприемлемым".

В. Статьи, о которых идет речь

19. Решения против г-на Де Хаэса и г-на Гийселса относятся к пяти статьям, напечатанным в еженедельнике “Хум” (см. п. 7 выше). В первой из них, опубликованной 26 июня 1986 г., содержалось следующее:

" ...

Сегодня, т.е. в четверг, 26 июня, суды должны вынести решение по тянущемуся уже целую вечность делу пресловутого антверпенского нотариуса, который подвергал сексуальному насилию двух своих малолетних детей. Сам нотариус родом из знатной фламандской семьи, имеющей тесные связи с самыми элитными финансовыми кругами страны. Все указывает на то, что репутация отца и деда значит гораздо больше, чем физическое и психическое здоровье детей. До сих пор, суд, не моргнув и глазом, отклонял все неблагоприятные для нотариуса медицинские и психиатрические отчеты.

Как может такое случиться? Луис Де Лентдеккер уже писал об этом деле в “Де стандард”, хотя и в весьма завуалированной форме. Однако генеральный адвокат Антверпена тотчас же дал ему нагоняй на том основании, что его описание событий серьезно компрометирует отца детей. И это при том, что Де Лентдеккер не упомянул ни одного имени. Со своей стороны, мы также воздержимся от указания имен отца и двух его малолетних детей (для удобства изложения мы будем называть трехлетнего мальчика 'Вим', а его шестилетнего брата - 'Ян'; вместо реальной фамилии семьи мы будем использовать 'Х'). Что же касается прочих людей, вовлеченных в это дело, то мы твердо намерены указать их имена, поскольку это не первый раз, когда суды Антверпена демонстрируют отсутствие независимости и выносят в высшей степени странные решения.

Данный рассказ - не для слабонервных читателей. Мы показали факты по делу психологу, работающему в центре психологической, медицинской и социальной терапии; магистрату, педиатру и двум юристам, ни один из которых ни имеет никакого отношения к настоящему делу. Каждый из них, независимо от других, посоветовал нам сообщить о деле в интересах детей.

...

После появления Яна на свет в семье наметился разлад. Муж стал крутить романы на стороне и даже снял другой дом. Бракоразводный процесс был возбужден в октябре 1983 г. Мать получает временную опеку над детьми; отцу разрешается видеться с ними раз в две недели. В конце 1983 г. дети возвращаются домой после проведенных с отцом рождественских каникул; мать находит их в состоянии полного истощения. Педиатр детей, доктор [МЕ], ставит им диагноз - перенапряжение. Во время игры старший мальчик рассказывает историю, из которой становится очевидно, что отец его изнасиловал. Об

этом уведомляют доктора [ME], который советует матери обратиться к судебно-медицинскому эксперту.

То же самое случается 8 января 1984 г.

Следуя совету педиатра, мать пытается проконсультироваться с судебно-медицинским экспертом, но тот советует ей обратиться сперва к терапевту. На телефонный звонок доктору [ME] никто не отвечает, поэтому она обращается к дежурному врачу [MF]. Он обнаруживает у старшего мальчика 'раздражение ануса' и направляет мать к педиатру в Мехелене, доктору [MG]. Тот в свою очередь наблюдает у старшего мальчика следующие повреждения: 'незначительная трещина заднего прохода, выраженная краснота вокруг ануса, мазок прямой кишки показывает присутствие спермы'. В тот же вечер, по его просьбе, доктор [ME], педиатр, проводит повторное обследование детей и, учитывая серьезность положения, направляет их к доктору [MH] в Центр психического здоровья.

На основании этих медицинских отчетов, среди прочих вещей, судья Суда первой инстанции Антверпена [YI], действуя в порядке срочного обращения, 29 января 1984 г. решает временно отказать отцу в праве доступа к детям.

Однако 31 января Третье отделение Апелляционного суда Антверпена восстанавливает право нотариуса на доступ к детям, хотя дети не должны оставаться у него дома на ночь, а общение с детьми должно проходить в присутствии бабушки и дедушки. Начинается кошмар, и не только для детей, но и для их матери.

...

4 февраля 1984 г., впервые за четыре недели, нотариус пользуется предоставленным ему правом доступа. В 10 часов утра он забирает детей в Мехелене и возвращает их матери примерно в 18:30. В отчете шокированная и сбита с толку мать говорит: 'Состояние детей: потеря рассудка. Вим (3 года) лежит на полу и рыдает. Ян (6 лет) безучастно сидит на стуле. У него видимые клинические повреждения: болезненно воспаленный рот, который он не может закрыть, выраженный отек нижней губы и проблемы с глазами; у него одновременно выпадают четыре верхних зуба; у него также отекает шея под левым ухом, красноватое раздражение щек и царапины на левой щеке'. Адвокат матери убеждает ее во что бы то ни стало заявить об этом в полицию, но она думает, что в этом больше нет никакого смысла. В своем заявлении она пишет в отчаянии: 'Я не хотела обращаться в полицию из-за того, что жандармерия благожелательно настроена к семье мужа, и я уже поняла из своего опыта, что жандармы не принимают меня всерьез, когда речь идет о детях'.

...

Отчаянные протесты матери ни к чему не приводят. 18 февраля, 26 февраля и 3 марта 1984 г. отец снова насилует детей.

Впрочем, достаточно об этом. 6 марта 1984 г. по требованию прокурора Мехелена, сержант уголовной полиции Люк Р. проводит беседу с маленьким Яном. Видеокассета с записью беседы поступает в Уголовный суд Мехелена. Мы видели расшифровку видеозаписи. В детских выражениях, однако, связно и непротиворечиво, Ян описывает, как отец совершал половые акты с ним и его братом, который еще моложе Яна. Содержание этой беседы слишком деликатно, чтобы мы могли воспроизвести его здесь.

...

У матери не остается выбора. Так как ее настоятельное требование о назначении известного эксперта дважды отклоняется, она сама обращается к детскому психиатру [МА], профессору Католического университета Лёвена. 6 и 11 апреля он обследует детей и заключает, что в выходные дни 8-9 апреля отец опять дурно обращался с детьми и изнасиловал их. Согласно выводам профессора [МА], рассказ детей по существу соответствует тому, что заявлено в жалобе матери. Более того, дети раскрывают ему отдельные подробности, которые не упомянуты даже матерью, и которые они явно не могли придумать. Профессор [МА] делает вывод: 'мы убеждены, что поездки детей к отцу, очевидно, могут иметь неблагоприятные последствия для их будущего развития. Уже ясно, что непосредственное воздействие поездок к отцу заключается в наблюдаемых у детей расстройстве и дезориентации в крайних их проявлениях; после двух дней, проведенных с отцом, они выглядят обеспокоенными и агрессивными. Если эти поездки не прекратятся, мы боимся, что у обоих детей могут развиться проблемы, вроде психической болезни у старшего ребенка и тенденции к регрессу с приостановкой развития - у младшего мальчика. Поэтому мы выступаем с требованием, чтобы дети прошли всестороннее психиатрическое обследование; чтобы были допрошены все стороны, включая отца; и, чтобы до завершения указанного обследования у отца было временно отозвано право доступа к детям'.

28 мая 1984 г. профессор [МА] отправил подробный отчет о деле генеральному прокурору [YJ] и генеральному адвокату [YD]. Это впечатляющий документ, содержащий результаты ряда психиатрических обследований детей, проведенных в форме бесед (как в присутствии, так и в отсутствии матери). Дети были обследованы как сразу же после поездки к отцу, так и в менее напряженные промежутки времени в будние дни. Профессор [МА] так заключает свой отчет: 'Оба ребенка независимо друг от друга подтверждают различные типы сексуального насилия, через которые им пришлось пройти'. Могла ли мать научить детей этим рассказам? Профессор [МА] говорит 'Версия событий Яна полностью совпадает с тем, о чем заявляет мать. Я вижу в этом явное свидетельство того, что рассказ Яна отражает реальные события. Шестилетний ребенок в сущности еще не обладает умственными способностями, которые позволили бы ему в рамках направляемой беседы верно и во всех деталях воспроизвести сфабрикованную кем-то историю. Более того, временами Ян отвечает на очень специфические вопросы столь же специфическими ответами, которые он никогда не давал своей матери (и которые она поэтому никогда не

упоминала). Так, когда его спросили, "кусает ли он половой орган отца, когда тот приходит к нему в ротик", он отвечает очень конкретно: "Я не могу, потому что он (отец) вставляет мне пальцы между зубов". Я не считаю, что шестилетний ребенок способен придумать такой конкретный ответ, или что мать могла заранее "научить" его ответам на такие специфические вопросы'.

22 июня профессор [МА] отправил генеральному прокурору [YJ] и генеральному адвокату [YD] дополнительный отчет. В нем детский психиатр подтверждает свои предыдущие данные еще более убедительными аргументами и вновь настоятельно призывает провести судебное расследование и получить дополнительный экспертный психиатрический отчет. Но все безрезультатно. Происходит невообразимое: три дня спустя Третье отделение Апелляционного суда Антверпена принимает решение оставить детей при г-не Х.

Суд утверждает, среди прочего: 'В экспертном мнении нет надобности и, более того, оно даже нежелательно, поскольку эксперт неизбежно столкнется с вопросом вины, решение которого должно быть предоставлено исключительно судам'. Вот лица, которые ответственны за это в высшей степени странное решение: [YA] (председательствующий судья), [YC] и [YB] (другие судьи) и [YD] (генеральный адвокат).

...

В июле, в соответствии с судебным решением об опеке, вынесенным в пользу нотариуса, он забирает детей к себе; их снова насилуют. В записанной на видеокассету беседе Ян рассказывает профессору [МА], что его папочка снова сделал 'то же самое', что папочка 'колотил' его и ударял его по животу, и что он запретил ему рассказывать кому-нибудь об этом. Ян не знает, сколько раз отец его насилует - 'несколько раз; я не могу сосчитать, сколько именно'.

Профессор [МА] отправляет энное письмо по этому поводу генеральному прокурору [YJ], заявляя без обвиняков: 'В случае крайней необходимости государство обязано вмешаться согласно статье 36 (2) Закона о защите детей ... Нельзя допустить, чтобы в результате судебного решения двое детей оказались в чрезвычайно опасной ситуации'.

Все данные профессора [МА] были в дальнейшем подтверждены в 'экспертном отчете' д-ра [MB], детского психиатра и психоаналитика, назначенного судьей [YE] Суда первой инстанции Мехелена, ведущим судебное следствие. Достаточно привести несколько следующих извлечений из отчета доктора [MB]: '(1) После некоторого замешательства Ян, тем не менее, достаточно легко начинает говорить о том, чем с ним занимался папочка. Яснее всего он помнит события июля 1984 г. Он описывает, как папочка иногда садился на него верхом, как папочка вводил свой половой член в его анус, а иногда и в рот, и делал пи-пи. Он рассказывает, что папочка угрожал ему, говоря, что распилит пополам бабушку и дедушку, и сильно побьет Яна, если тот расскажет кому-либо обо всем этом. Он говорит, что папочка так не поступал, когда папочка и мамочка были еще вместе; тогда папочка просто ударял его; (2) Ян описывает все это довольно охотно, и в его

рассказе нет никаких противоречий. Однако при рассказе о некоторых вещах он выглядит шокированным и смущенным. Он краснеет и иногда решительно заявляет, что папочка бил его. Не создается впечатления, что он все это придумывает или просто пытается привлечь к себе внимание'.

Более того, психоанализ эмоциональной жизни Яна обнаруживает, что маленький мальчик постоянно чем-то озабочен и обеспокоен. Данные о состоянии младшего ребенка аналогичны. Согласно д-ру [МВ], 'его [т.е. Вима] фантазии создают стойкое впечатление, что он подвергся сексуальному насилию со стороны отца, а его подсознательное пытается ассимилировать эти дискомфортные впечатления'. В октябре маленький Вим снова опрашивается двумя сержантами уголовной полиции и его учительницей. Беседа проходила в обычной классной комнате Вима, в присутствии директриссы школы. Ребенок неоднократно подтверждает то, что с ним случилось. Беседа была записана дословно, а видеозапись в качестве вещественного доказательства - передана в Суд первой инстанции Мехелена.

...

Как отец может достичь такого безумия, чтобы совершать подобные зверства над своими собственными детьми? В своем отчете профессор [МА] говорит: 'Проблемы между мужем и женой стали еще серьезнее после того, как родился Ян. Именно тогда Х впервые открыто выставил напоказ свои симпатии к Гитлеру. Так, например:

Семья должна была жить в соответствии с гитлеровскими принципами: женщины не в счет, самое большое, на что они пригодны - производить потомство. Каждый, кому не под силу стать "суперчеловеком", пусть лучше умрет. "Суперчеловек" имеет право лгать и быть нечестным. [Х] фактически ожидает пришествия нового Гитлера. Эта идея верховодит всем его образом жизни.

Дети должны были воспитываться в духе гитлеровского учения. Их заставляли отдавать нацистский салют; их учили не играть, а только драться и воевать. Дети должны были чтить своего отца, как в свое время немецкий народ чтит Гитлера. Их мать - всего лишь незванный гость и пришелец в семье Х.

Наконец, следует также отметить, что в ряде случаев г-н Х заявлял о том, что он обладает сверхъестественными возможностями и может сокрушить любого, кто встанет на его пути. В частности, он говорит "Мы пиявки, мы выжимаем врагов как лимон, а потом выбрасываем их". Очевидно, что он ощущает себя очень могущественным. Несколько раз он рассказывал о своих "сверхъестественных возможностях" и детям, говоря, что превратит Яна в коричневую овцу и оставит его в поле, а маленького Вима превратит в сову. Часто он рассказывал детям истории про скелеты и черепа. Вследствие всего этого, маленький Вим однажды совершенно неожиданно для матери попросил ее "не закапывать его под землю в коробке".

Профессор [МА] заканчивает свои наблюдения об отце таким образом:

'Явные симпатии к Гитлеру и фашистскому режиму, наряду с фантазиями о собственных сверхъестественных возможностях и всемогуществе обнаруживают, по крайней мере, по моему мнению, его патологический характер. Соответственно, я полагаю, что в данном деле крайне важно провести более радикальное судебное расследование и подготовить более основательный психиатрический отчет'.

...

Практически ежедневные контакты семьи X с миром юриспруденции сами по себе не вполне объясняют, как ему удается оставаться почти неуязвимым. Обширная сеть знакомств, которую семья сплела за долгие годы, оказывается в этом отношении весьма полезной, особенно ее контакты во фламандских правозащитных и националистических кругах. Например, члены семьи X являются активистами в организациях "Стракке ноодфондс", "Марниксринг", "Орде ван де принс", "Флаамсе культуреле продуктис" (ответвление "Вере ди"), "Националистич йонг студентен фербонд" (NJSV) и "Флаамс блок". Хорошо известно, что семья X оказывает финансовую поддержку VMO. В 1971 г. она помогла создать 'новый' VMPO под руководством Берта Эриксона, а в период судебных процессов над VMO призвала членов "Стракке ноодфондс" внести финансовый вклад в поддержку 'десятков молодых фламандцев, на которых наложены нелепые наказания и штрафы'. Свидетели подтверждают, что подвальный этаж дома семьи X украшен нацистскими флагами со свастикой, - идеальная декорация для ностальгирующих мелких 'коричневых' партий. Столь же достопримечательны усилия семьи X в поддержку апартеида. Один из членов семьи даже основал про-южноафриканский клуб "Протеа". Так почему же эта сеть знакомств столь важна в этом деле о кровосмешении?

Большинство судей Третьего отделения Апелляционного суда, которые оставили детей у нотариуса, принадлежат к кругам, близким к правому экстремизму. Судья [YB] - сын большого "шишки" в жандармерии, который в 1948 г. был осужден за коллаборационизм: в тесном сотрудничестве с немецкой полевой жандармерией он перестроил работу бельгийской жандармерии на нацистский лад. Не меньше сомнений [YB] вызывает и как магистрат. Во время судебного расследования тренировочных лагерей VMO в Арденнах он, наперекор всем доказательствам, настаивал на теории, что фотографии тренировочного лагеря не имеют ничего общего с VMO, и что они сделаны в лагерях немецких неонацистов.

Другой судья в этом деле о кровосмешении - [YA]; она является Председателем Апелляционного суда Антверпена. Во время суда над VMO, на котором она председательствовала, эта организация была оправдана по обвинению в создании частных вооруженных формирований. Впоследствии это решение было отменено Апелляционным судом Гента.

И, наконец - генеральный прокурор [YJ], которого профессор [MA] засыпал отчетами, обличающими сексуальное насилие над детьми. Так ли уж случайно, что у генерального прокурора [YJ] те же политические пристрастия, что и у семейства X? Он был в числе основателей клуба "Протеа", но вынужден был выйти из него после того, как вопрос о его членстве в указанном клубе был поднят в Парламенте. Он все еще является членом организаций "Марниксринг" и "Орде ван де принс" в Мехелене, с которыми семья X поддерживает очень тесные связи.

С самого начала расследования жандармерия играла довольно-таки сомнительную роль. К подвергшимся насилию детям и их матери постоянно обращались с презрением, в то время как к обвиненному в кровосмешении нотариусу и его отцу отношение было очень вежливым и предупредительным. Случайное ли совпадение, что семья X поддерживает связи с целым рядом (нынешних и бывших) "шишек" в жандармерии: бывшим генерал-лейтенантом [ZC] ("Протеа" и "Орде ван де принс"), генералом [ZD] ("Марниксринг") и генералом [ZE] ("Марниксринг" и "Орде ван де принс")?

...

Дети чувствуют себя неважно. Они проходят курс лечения и, согласно хорошо информированным источникам, их состояние все еще 'вызывает опасения'. Существует только два возможных решения. Либо органы уголовного преследования наберутся смелости и в свете последних событий и сведений поддержат выдвинутое против нотариуса обвинение, либо Суд по делам несовершеннолетних должен начать новое разбирательство с целью вернуть опеку над детьми матери. Последнее соображение отнюдь не незначительно, поскольку 26 июня г-жа X должна предстать перед Апелляционным судом Антверпена из-за того, что она дважды пыталась оставить детей у себя в конце встреч с ними, проводимых на основании имеющегося у нее права доступа.

Между тем, мать и ее родители должным образом оправданы по апелляции в судебном деле, возбужденном против них нотариусом за дискредитирующие его свидетельские показания. Они уже были оправданы в первой инстанции. Есть только две возможности: или жалоба матери носит диффамационный характер, или нет; в последнем случае нотариус оказывается виновен в кровосмешении. Не существует никакой другой возможности".

20. Г-н Де Хаэс и г-н Гийселс опубликовали свою вторую статью 17 июля 1986 г. В ней говорилось следующее:

"...

В четверг, 24 июня, еженедельник “Хум” в номере 2390 опубликовал статью, произведшую настоящий фурор: ‘Кровосмешение во Фландрии получает оправдание’. В этой статье г-н Х, нотариус из известной фламандской семьи, имеющей тесные связи с высшими финансовыми кругами страны, обвиняется в том, что он неоднократно насиловал и избивал своих маленьких мальчиков Вима и Яна. Обвинения были подкреплены рядом медицинских и психиатрических обследований. Несмотря на имеющиеся доказательства, нотариусу была присуждена опека над детьми.

В статье мы обратили особое внимание на сомнительную роль, которую сыграла жандармерия и сеть правозащитных знакомых семьи Х, щупальца которых достигли судебных учреждений Антверпена. Эта сеть знакомств сосредоточена в первую очередь вокруг таких лояльных ‘коричневых’ организаций, как VMO, “Протеа”, “Стракке ноодфондс” и “Марниксринг”. Мы также показали, какое отношение к этим теневым движениям имеют судьи [YJ], [YA] и [YB], позаботившиеся о том, чтобы отец получил опеку над детьми.

Из огромного числа полученных нами писем становится очевидно, что половина Фландрии шокирована столь извращенным правосудием. Все время возникает один и тот же вопрос: в какой стране все мы живем? В последнее время мы получили еще больше информации о том, из каких передраг удалось выйти невредимыми некоторым представителям высших кругов, рука об руку с их прислужниками в судах и жандармерии.

...

Не успел “Хум” выйти из-под печатного станка, как одному из авторов статьи позвонил г-н Х собственной персоной. Угрожающим тоном он заявил: ‘Я не педераст. Я не педофил. Придет время, когда вам придется извиниться передо мной!!!’, - и повесил трубку.

В ходе судебного разбирательства, г-н Х стал прибегать к еще более жестоким попыткам запугивания. Например, среди бела дня он набросился на одного из шуринов в центральном районе Антверпена. Когда мать детей была признана невиновной в клевете, он выкрикивал оскорбления в адрес ее советника прямо в здании антверпенского суда и перед лицом других людей. Чтобы его успокоить, понадобилось вмешательство со стороны его собственного адвоката. Один из докторов, сделавший вывод о наличии сексуального насилия, получил заказное письмо с угрозой возбудить против него уголовное преследование по обвинению в клевете, если он не откажется от своих заключений, сделанных в отчете об обследовании. По меньшей мере, еще одного доктора засыпали письмами с самыми грубыми угрозами. Журналист, освещавший состоявшееся 26 июня слушание Апелляционного суда Антверпена, подвергся преследованию со стороны нотариуса, когда вышел на свежий воздух во время короткого перерыва. Репортеру ничего не оставалось, как скрыться от него между прилавками на ярмарочной площади.

Руководство еженедельника “Хум” и издательства “Дюпюи” также оказалось под сильным давлением. Семья X была предупреждена о готовящейся к выпуску статье, посвященной делу о кровосмешении. Что же произошло? Печатание было задержано на несколько часов, но статья все же увидела свет.

...

Такое грубое нагнетание давления, по-видимому, очень хорошо срабатывает в рамках нашей системы правосудия. После того как статья была опубликована, к нам поступила масса новой информации из самых разных источников. Данное, единственное в своем роде дело о кровосмешении в весьма короткое время получило дурную славу не только в профессиональных кругах педиатров и детских психиатров, но и в прокуратуре, судах по делам несовершеннолетних и детских домах. Благодаря новым данным теперь мы имеем более отчетливую картину того, сколь часто и сколь вероломно суды манипулировали этим делом, - с одной только видимой целью: способствовать благоденствию не детей, а нотариуса.

...

Подобным образом, Суд принял и результаты часового допроса сержантами уголовной полиции [ZF] и [ZG], во время которого Яна еще раз вынуждали отказаться от своих обвинений. Луис Де Лентдеккер, который видел, в каком состоянии Ян выходил после допроса, написал в “Де стандард”: ‘Он начал плакать и всхлипывать. Он совершенно обезумел. Весь дрожа и рыдая, он сказал, что его снова допрашивали два человека; он сказал им, что все неправда, потому что боялся; и он не хочет идти домой к отцу, но хочет остаться со своей матерью. Горько рыдая, он прильнул к бабушке со стороны матери’. Как можно доверять такому допросу? Одно из утверждений, полученных под принуждением, явно не стыкуется с другими данными: согласно [протоколу беседы] № 2873, Ян сказал, что никогда не видел своего отца обнаженным. Сам нотариус сказал Луису Де Лентдеккеру: ‘Говорят, что я часто становился перед ними обнаженным. Иногда вечерами дети забегали в ванную комнату, когда я принимал душ. В таких случаях я тотчас же выпроваживал их оттуда’. В беседе с психиатром [MN] нотариус, стремящийся защитить себя, был еще более категоричен: ‘До развода несколько раз случалось, что дети случайно наталкивались в ванной комнате на обнаженного X. Понятно, что внимание детей было приковано в первую очередь к его гениталиям’.

Случайно ли то, что сержант уголовной полиции [ZG] и его жена были гостями нотариуса на пасхальном обеде?

В середине 1984 г., после частной встречи с генеральным прокурором [YJ] и генеральным адвокатом [YD] профессор [MA], хорошо известный детский психиатр, получает неформальное задание по детальному изучению досье уголовного дела. С этой целью, генеральная прокуратура посылает ему различные машинописные тексты и видеозаписи допросов. Выводы профессора [MA] содержатся в ряде отчетов, отправленных

генеральному прокурору и в Апелляционный суд Антверпена. Его предварительные заключения приведены в отчете от 22 июня, - как раз вовремя, так как приговор должны были выносить 27 июня. Генеральный прокурор [YJ] знает, что идет подготовка этого дополнительного отчета, и что же происходит? Совершенно неожиданно Третье отделение Апелляционного суда проводит слушания на два дня ранее запланированного и присуждает опеку над детьми нотариусу, 'не принимая во внимание документы, поданные профессором [MA] после окончания слушаний'. Не был ли Апелляционный суд уведомлен о том, что отчет профессора [MA], очень неблагоприятный для нотариуса, может поступить в суд до окончания слушаний, и не по этой ли причине Третье отделение провело слушания на два дня раньше? Более того, не все отчеты профессора [MA] были поданы уже после окончания слушаний. В действительности, Третье отделение имело в своем распоряжении по меньшей мере три других отчета профессора [MA], и все они были неблагоприятны для нотариуса. Так что судьи лгут в своем приговоре. 6 ноября 1984 г. дело снова поступает в суд, и на этот раз отделение пользуется совсем другим предложением для отклонения отчетов профессора [MA]: 'Несмотря на то, во что он (профессор [MA]), по всей видимости, верит, он не был назначен генеральным прокурором данного Суда для того, чтобы каким бы то ни было образом помогать Суду в связи с настоящим делом'. Имеются только две возможности: или генеральная прокуратура предоставила профессору [MA] записи допросов для изучения, или же он украл их и должен понести за это наказание. Если профессор [MA] не был назначен судом, то он не уполномочен иметь в своем распоряжении документы из уголовного дела. Таким образом, суды снова пользуются грязными трюками, чтобы придать непростительному решению видимость справедливости.

26 июня 1984 г., ко всеобщему изумлению, председатель Третьего отделения Апелляционного суда Антверпена г-жа [YA] вместе с судьями [YB] и [YC] присуждает опеку над детьми нотариусу, обвиняемому в кровосмешении. Впрочем, он может осуществлять свое право опеки только под надзором своих родителей. Здесь мы сталкиваемся с самыми причудливыми умозаключениями: или нотариусу следует полностью доверять в том, что касается его детей, и он может осуществлять опеку; или ему нельзя доверять и под его опекой детям грозит опасность. Г-жа [YA], тем не менее, выбрала лицемерное решение. Если над нотариусом необходим надзор со стороны его родителей, то, очевидно, он не заслуживает доверия. И, тем не менее, ему поручается опека над детьми. Может ли кто-либо понять подобную логику? Третье отделение уже делало шаги в этом направлении. На слушаниях 6 июня родителей нотариуса спросили, желают ли они взять на себя эту обременительную обязанность. На что, разумеется, они ответили положительно. Случайное совпадение или нет, но это был единственный раз, когда родители нотариуса появились на слушаниях дела. Это наводит на мысль о судебной инсценировке. Предупредил ли их кто-либо, что им будет задан такой вопрос?

Родители отца не единственные, кого заблаговременно снабжают информацией. 25 июня, за два дня до официального вынесения решения, нотариус ожидал детей около школы. Он уже знал, что Апелляционный суд собирается присудить ему опеку над детьми. Как это могло быть?

В предыдущей статье мы упоминали жалобу матери на то, что агенты полиции постоянно искажали ее слова или просто не записывали то, что она говорит. Это не всё. Показания свидетелей также были фальсифицированы ...

В определенный момент времени судья, ведущий судебное следствие в Мехелене, г-н [YE], бывший член совета Народно-христианской партии в Виллебруке, назначает доктора [MB] (медицинским) экспертом. Доктор [MB] приходит к тем же выводам, что и профессор [MA]: Ян и Вим подверглись сексуальному насилию. Доктор [MB] недвусмысленно предупреждает судью, ведущего судебное следствие: 'Важно не допустить ухудшения психологических проблем отца и превращения его в закоренелого гомосексуалиста или педераста'. Несмотря на это, 6 ноября г-жа [YA] и ее коллеги-судьи [YB] и [YC] оставляют в силе судебный приказ об опеке в пользу отца. Это - самое трусливое судебное решение, какое мы когда-либо читали. Мать детей обвиняется в том, что она не представила копию отчета эксперта [MB], 'вследствие чего отсутствует возможность изучить его содержание'. Но как мать могла представить этот отчет? У нее нет права даже ознакомиться с ним, не то что изучать его. Бельгийские законы запрещают кому-либо получать какую бы то ни было информацию по делу, пока не завершено судебное расследование, потому что расследование является тайным. Апелляционный суд ясно признает в своем решении, что судебное расследование еще продолжается, и, тем не менее, г-жа [YA] обвиняет мать в том, что та не подала в суд указанный отчет! И это при том, что подавать экспертный отчет должна генеральная прокуратура! Несмотря на то, что судья [YE], ведущий судебное следствие, имел в своем распоряжении отчет доктора [MB] с конца августа, в решении Третьего отделения мы читаем, что 'генеральная прокуратура не посчитала необходимым проинформировать суд об этом факте'. Почему же генеральная прокуратура отказалась препроводить этот ключевой экспертный отчет в Апелляционный суд? Не потому ли, что он был слишком неблагоприятным для г-на X? Как бы то ни было, г-жа [YA] внесла свое имя в пантеон творцов юридического вздора.

5 сентября 1984 г. Луис Де Лентдеккер публикует свою первую статью по делу о кровосмешении под заголовком 'Справедливость сходит с ума. Молодая женщина сражается за своих детей'. Вскоре после этого генеральный адвокат [YD] вызывает его к себе по телефону. Как замечает Де Лентдеккер в своей второй статье от 28 сентября: 'Редкий случай, когда судья или прокурор вызывает к себе журналиста, чтобы дать ему интервью в связи с продолжающимся судебным разбирательством'.

Весьма показательны и следующие выдержки из статьи Де Лентдеккера: 'Когда я спросил, почему суд не назначил трех экспертов, чтобы они изучили дело с психиатрической, медицинской и судебно-медицинской точек зрения, генеральный адвокат ответил буквально следующее: "Этим детям (т.е. Виму и Яну) слишком часто приходилось снимать с себя штаны для разного рода обследований. Лучше всего оставить их в покое". Когда я возразил, что суд, тем не менее, назначил эксперта (Де Лентдеккер имеет в виду доктора [MB]), и что его отчет почти не учитывался при вынесении решения, возможно, по той причине, что в нем содержались изобличающие доводы в отношении отца, генеральный адвокат ответил: "Неправда, что подготовленный по приказу суда экспертный отчет изобличает отца. Во всяком случае, я не знаю, что в нем говорится. Кроме того, выводы этого эксперта не имеют юридической силы - он завершил свое исследование всего за пять дней". Какая грубая предвзятость со стороны генерального адвоката [YD] раскрывается в этих цитатах! И что могло подвигнуть его на то, чтобы подобным образом дать нагоняй журналисту? Это не входит в круг его служебных обязанностей. Вслед за этим генеральный адвокат [YD] был освобожден от разбирательства данного дела за превышение своих должностных полномочий, и был заменен старшим генеральным адвокатом [YK].

...

В данном деле есть и несколько положительных сдвигов. В четверг, 26 июня, Девятое отделение Апелляционного суда Антверпена оставило в силе решение Уголовного суда Мехелена от октября 1985 г., оправдывающее мать по обвинению в том, что она забрала детей из-под опеки нотариуса. В этом деле, кроме оправдания матери, важно еще то, что суд надлежащим образом принял в рассмотрение показания профессора [МА] и назначенного судом эксперта [МВ], которые оба свидетельствовали под присягой на судебном слушании, что дети действительно подверглись сексуальному насилию. Суд в данном случае был составлен из других судей, и генеральным прокурором был не [YJ]".

21. Третью свою статью заявители опубликовали 18 сентября 1986 г. В ней содержалось следующее:

"...

В данной статье мы воспроизводим фотографии, рисунки и высказывания, которые мы предпочли бы не публиковать. Большинство этих документов были в нашем распоряжении с самого начала, но мы не хотели подвергать себя риску быть обвиненными в погоне за сенсациями. Кроме того, суды также обладают этими неопровержимыми свидетельствами, и именно из-за того, что Апелляционный суд Антверпена и Суд по делам несовершеннолетних отказались принимать их в рассмотрение, мы посчитали себя обязанными опубликовать их здесь.

Мы полностью разделяем чувства изумления, гнева и недоверия, которые испытают наши читатели: изумления оттого, что такие вещи вообще возможны; гнева оттого, что они дозволяются; и недоверия потому, что главная гарантия нашей демократии, - независимая судебная система, - оказалась подорванной у самого основания. Именно поэтому, ради детей Вима и Яна, мы публикуем документальные свидетельства, которые мы предпочли бы навечно поместить под замок в наши архивы.

Ги Мортье Редактор

В четверг, 2 сентября, судья Суда по делам несовершеннолетних г-жа [YL] вынесла временное распоряжение по скандальному делу о кровосмешении, затрагивающем нотариуса из Антверпена. Как все знают, эта трагедия разыгралась в самых высокопоставленных финансовых сферах страны, в правозэкстремистских кругах Фландрии. Антверпенский нотариус обвиняется его женой в том, что он подвергал сексуальному насилию двух его маленьких мальчиков, которых мы называем Вимом и Яном, дурно с ними обращался и продолжает делать это до сих пор. Судья Суда по делам

несовершеннолетних теперь решила, что отцу будет присуждена опека над детьми, вернее, он сохранит ее за собой, так как она была уже ему присуждена, в нарушение всех понятий о справедливости, Апелляционным судом Антверпена. В то же время матери, против которой не выдвинуто никакого обвинения, и которая уже дважды была оправдана по обвинению в клевете на нотариуса, разрешается видеться с детьми не чаще одного раза в месяц.

...

Необъяснимый приговор еще раз переворачивает здравый смысл с ног на голову. Досье дела становится все толще и толще; оно содержит многочисленные медицинские справки, шокирующие рисунки детей, на которых изображено, как их насилует отец; фотографии анальных раздражений и шрамов, оставленных на теле детей после ударов дубинкой, - не говоря уже о подробных психиатрических отчетах о состоянии детей: одного, составленного судебным экспертом [МВ], пяти - профессором [МА], видным педиатром из Лёвена, и двух, в том числе самого последнего - профессором [МС], который недавно обследовал детей в обстановке повышенной секретности. Каждый из них отчетливо показывает, что двое детей подверглись сексуальному и физическому насилию. Почему же судья Суда по делам несовершеннолетних [УЛ] отказывается в своем решении принять во внимание эти веские доказательства, особенно учитывая то, что ни в одном из медицинских отчетов не ставится под сомнение, что физическое насилие имело место? Неужели семья г-на Х действительно обладает таким влиянием и деньгами, что суды Антверпена не способны вынести независимое решение?

Прессе не подобает брать на себя роль суда, но в этом вопиющем случае хранить молчание невозможно и нелепо. До сих пор, мы вели повествование о деле об инцесте насколько возможно щепетильно. Теперь же, когда суды выбрали явно неправильный путь, мы чувствуем себя обязанными, в интересах детей, раскрыть новые подробности, какими бы ужасными и неприятными для читателей они не были.

...

Какими свидетельствами обосновала свое временное распоряжение судья Суда по делам несовершеннолетних [УЛ]? Согласно статье в "Хет фолк" (первой из нескольких), источником которой, скорее всего, является сам нотариус, [УЛ] основала свое временное распоряжение на отчете трех ею же назначенных экспертов. Согласно "Хет фолк", из этого отчета становится ясно, что 'не может даже и возникнуть вопрос о каком бы то ни было сексуальном насилии'. Самое меньшее, что можно сказать, так это то, что "Хет фолк" была введена в заблуждение (в самом деле, впоследствии она полностью отказалась от своей первой статьи). Так в чем же тогда заключается истина?

Три назначенных судом эксперта, доктор [МІ], доктор [МЈ] и доктор [МК], во время школьных каникул обследовали Вима и Яна в антверпенской детской больнице "АКА" (Algemeen Kinderziekenhuis Antwerpen). Их отчет еще не готов и поэтому, естественно,

еще не поступил в суд. Судья Суда по делам несовершеннолетних и стороны не получили от них никаких письменных документов. Поэтому судья Суда по делам несовершеннолетних [YL] поспешил проташить решение еще до завершения отчета экспертов. Эта процедура сама по себе выглядит чрезвычайно подозрительно. Но хуже всего то, что она оставляет мать совершенно незащитной. Поскольку нет ничего официального на бумаге, она не может обжаловать решение судьи Суда по делам несовершеннолетних.

Во-вторых, вопреки тому, что говорится, указанные три доктора не являются независимыми экспертами. Доктор [MJ] и доктор [MK] работают в «АКА» под руководством доктора [MI]. По этой причине им трудно оспаривать заключения своих начальников. В больнице «АКА» у этих двух докторов репутация сотрудников, которые никогда не пойдут против мнения начальства.

В-третьих, встает вопрос, разумно ли было ставить во главу группы экспертов доктора [MI]. Мы не желаем осуждать отчет до ознакомления с его содержанием, но не странно ли, что лицо, принадлежащее к тому же идеологическому лагерю, что и экстремистский нотариус, назначается руководителем экспертов в этом и так уже немало политизированном деле? Доктор [MI] женат на дочери [ZH], который во время войны был комендантом. Читатели, наверное, помнят, что семья г-на X очень тесно связана с кругами 'чернорубашечников'. Доктор [MI] хвалится перед сотрудниками больницы, что он, как и семья г-на X, поддерживает режим апартеида в Южной Африке. Это тот самый доктор [MI], который некоторое время назад записал ребенка, страдающего неумением приспособиться к окружающей среде, в ряды правозащитной организации «Флаамс национаал ююгдфербонд» (VNJ), только ради того, чтобы приучить его к дисциплине. Каждый человек имеет право придерживаться своих политических мнений, но в этом чувствительном деле было бы более обнадеживающим назначить менее политически ангажированного эксперта.

Столь же необъясним и тот факт, что судья Суда по делам несовершеннолетних [YL] оставляет г-жу [ZI] в качестве прикомандированного к суду инспектора по делам несовершеннолетних. Судья [YL] должна в очень значительной мере полагаться на инспектора по делам несовершеннолетних в том, что касается всей получаемой ею информацией, а следовательно, и на ее мнение по этому делу; однако мы уже раскрыли, что г-н X хорошо знаком с г-жой [ZI]. Более того, этот факт обнаруживается в записи беседы, проведенной 6 октября 1984 г. В ней нотариус неоднократно называет г-жу [ZI] в качестве одного из граждан, кого суды могут попросить засвидетельствовать его добросердечность. Неужели действительно невозможно устранить из этого дела всех, у кого имеются идеологические или дружеские связи с семьей X?

...

Как нотариус защищается против обвинения в том, что в мае он избил Вима 'дубинкой с шипами'? Его объяснения очень сбивчивы. Из стенограммы рассказа детей и отчета судебного пристава выясняется, что он избил Вима 14 мая. В тот день нотариус и его

маленькие мальчики ходили в гости к доктору [MJ]. В присутствии отца, Вим сказал доктору несколько очень компрометирующих его вещей. Как только они вернулись домой, отец начал бить Вима. На следующий день нотариус отправился к доктору [MJ] один и, как это ни странно, не сказал ни слова об ушибах своего сына. И только по прошествии нескольких дней, когда фотографии были посланы в компетентные органы, он предстает с рассказом о том, что Вим упал с лестницы. Почему он не сказал это в самом начале? Дети подтверждают профессору [MC], что Вим был избит, и что он вовсе не падал с лестницы. Тогда нотариус меняет линию поведения. 2 июня он вызывает судебного пристава, который входит в число его друзей, и тот составляет отчет, согласно которому дети опровергают все ранее сказанное. Странно то, что маленьких мальчиков допрашивает не судебный пристав, а сам отец. Так что этот отчет не стоит и ломаного гроша.

5 июня нотариус избирает новую тактику. Доктор [ML] выписывает свидетельство о том, что он не может обнаружить никаких ушибов. В этом нет ничего удивительного, ибо прошло уже три недели. Почему же спустя три недели нотариус засвидетельствует факт отсутствия повреждений, тогда как ранее он утверждал, что повреждения были вызваны падением с лестницы?

Последняя версия состоит в том, что Вима побил Ян. Этот плод воображения исходит от самой судьи Суда по делам несовершеннолетних. Вот яркий пример предвзятости с ее стороны!

...

Дурное обращение, имевшее место в мае, не было единичным случаем (как мы уже не раз указывали). Уже 10 января 1984 г. доктор [MG] отправил судебно-медицинскому эксперту, доктору [MM], следующие результаты проведенного им исследования четырех анализов-мазков: 'Кроме бесформенного вещества, эпителиальных и слизистых клеток, в трех из четырех образцов я наблюдал структуру с треугольной головкой на длинном, более-менее прямом хвостике, которая соответствует описанию сперматозоидов. Я наблюдал присутствие одной такой структуры в двух из трех образцах, и двух - в третьей'. Другие доктора также сделали аналогичные выводы. Впоследствии, профессор [MA] и судебный эксперт [MB] независимо друг от друга приходят к заключению, что Вим и Ян подверглись сексуальному и физическому насилию. Самый последний отчет составлен профессором [MC]. В целях дополнения ранее подготовленного отчета этот эксперт обследовал детей двенадцать раз между 1 августом 1985 г. и 31 маем 1986 г. - старшего в отсутствии матери, а Вима - обычно в присутствии матери, так как вначале было практически невозможно обследовать его в ее отсутствии. Как директор отделения "Помощь нуждающимся детям и семьям" Университетской клиники Лёвена, профессор [MC] считается одним из ведущих специалистов в своей области. Чтобы сохранять в своей работе полную объективность и независимость, он решил отказаться от любой формы вознаграждения. В его отчете содержатся наиболее ужасающие заключения. В соответствии с ним, детей избивали дубинкой с шипами не единожды, а несколько раз. Более того, это избиение носило форму ритуала. Свечи зажжены; иногда на отце надета коричневая униформа и на дубинке нарисован 'знак дьявола'. С помощью детей профессор

[МС] смог обнаружить, откуда отец черпал свое вдохновение. Он обнаружил знак дьявола в томе I 'Красного князя' (!), озаглавленном 'Трещина в Круглом столе'. Рядом со знаком в книге помещен следующий текст: 'Это символ Князя тьмы, неизвестного мага и Великого мастера черной магии! Еще до создания Круглого стола он ушел в неизвестном направлении, и никто не знает, где он теперь находится! Он посвящает все свое исключительное знание и могущество всему, что пагубно и вредно! Его единственная задача - сеять смятение и разрушение. Он - символ насилия, которое в наше время господствует над гуманностью и справедливостью!'

Профессор [МС] прямо заявляет в своем отчете: 'В заключение, можно сказать, что Вим является жертвой неоднократного сексуального и физического насилия, а его брат Ян хотя и подвержен аналогичному насилию в меньшей степени, однако, находясь под очень сильным психологическим давлением, становится все более и более психологически беспокойным, - отсюда падение его успеваемости в школе и случающиеся время от времени противоречия в его рассказах. В интересах обоих детей следует незамедлительно издать судебное распоряжение с тем, чтобы полностью и навсегда вывести их из-под влияния отца. Любое дальнейшее промедление не будет иметь оправдания с медицинской точки зрения'.

К двум отчетам профессора прилагаются очень точные описания телесных повреждений детей, сделанные детьми заявления, зловещие рисунки Вима и Яна с изображением сексуальных сцен с отцом (который часто представляется с рогами), а также фотографии. Оба отчета находятся в распоряжении экспертов [MI], [MJ] и [MK]. Есть они и у судьи [YL]. У нее имеются также пять отчетов профессора [MA] и отчет судебного эксперта [MB]. Как г-жа [YL] может делать заявления об отсутствии доказательств? Неужели для того, чтобы она во все поверила, нужно избить и изнасиловать детей прямо у нее на глазах?

...

Похожие обвинения, выдвинутые детьми против отца, были позднее зафиксированы также профессором [MA], судебным экспертом [MB], двумя сержантами уголовной полиции [ZF] и [ZG] в присутствии учителя Вима, и, наконец, профессором [MC]. С другой стороны, зафиксированы следующие случаи отказов от показаний: 1) данных в беседе (документально на пленке зафиксирована одна-единственная минута этой беседы, не дающая ни малейшего представления о ее характере), которую проводил сержант уголовной полиции [ZJ], - в ней он запугивал Яна оружием, за что его впоследствии отстранили от дела; 2) данных в беседе с сержантами уголовной полиции [ZF] и [ZG], в конце которой у Яна случился нервный срыв (как свидетельствует Луис Де Лентдеккер); и 3) данных Яном профессору [MC] в присутствии отца.

Остается ключевой вопрос: способна ли какая-либо мать придумать все это? Более того, способны ли столь малые дети, - а в этом месяце им исполнится 6 и 9 лет, соответственно, - держаться своих обвинений на протяжении вот уже двух с половиной лет, если они были

выдуманы их матерью, которая и подучила их всему этому? К тому же, когда именно мать могла научить детей такого рода обвинениям?

Не следует забывать, что с 25 июня 1984 г. нотариус осуществлял опеку над детьми согласно распоряжению Третьего отделения Апелляционного суда Антверпена. В течение более двух лет отец оказывал на детей гораздо больше влияния, чем мать, которая имела право видеться с детьми только время от времени, - к тому же, нотариус зачастую отказывал ей в свидании с детьми.

Более того, если у нотариуса совесть чиста, почему он объявляет войну всем, кто чинит ему правовые и прочие препятствия? Почему он угрожал столь многим людям в связи с этим делом? В данной статье мы упомянем лишь самые последние случаи угроз и актов запугивания.

...

В досье дела также содержится отчет о состоявшейся 23 мая 1984 г. беседе профессора [МА] с генеральным прокурором [YJ] и генеральным адвокатом [YD]. Мы осознаем, сколь деликатным делом является цитирование писем, не предназначавшихся для опубликования, но против рожна не попрешь. Профессор [МА] описывает, как проходила беседа: 'После того, как я изложил свою проблему и просьбу о назначении трех экспертов, я вскоре понял, что генеральный прокурор желает продолжить беспристрастное и непредвзятое разбирательство всех обстоятельств дела, тогда как г-н [YD] уже имеет четкое представление о том, что следует сделать - "Рассказ детей выдуман. Возможно, всему этому подучила их мать. Детей следует передать на попечение бабушки и дедушки, и отец тоже должен быть вовлечен в этот процесс". Г-н [YD] довольно бесцеремонно отмахнулся от моей просьбы о подготовке экспертного отчета. С его точки зрения, у судей гораздо больше опыта в этой области, чем у врачей, и подвергание детей новым экспертным обследованиям и допросам может причинить им еще больше вреда. Ответ генерального прокурора был намного более уравновешенным; он высказал мнение, что действительно необходимо подготовить экспертный отчет. Более того, генеральный прокурор высказал серьезные замечания по поводу предложения г-на [YD]. Он сказал, что дед детей со стороны отца, под чье попечение г-н [YD] предложил вверить детей, - цитирую, - "сумасшедший". На каждом светском приеме, где он сталкивался с г-ном X, г-н X старший разглагольствовал о том, что Гитлер должен вернуться в эту страну, причем делал это очень явно, не пытаясь маскировать своих взглядов. Он добавил, что мнение о "сумасшествии" деда разделяли практически все участники таких приемов. После чего он категорически заявил г-ну [YD], что считает совершенно неоправданным вверить детей под опеку деда со стороны отца'.

Несмотря на то, что в их распоряжении имелась предварительная информация, суды Антверпена поручили, в первой инстанции, опеку над детьми нотариусу под надзором его 'сумасшедшего' отца. В ходе встречи с профессором [МА] генеральный прокурор [YJ] высказал также сомнения в честности нотариуса. Профессор [МА] дал следующие показания в свою защиту перед Медицинской ассоциацией: 'Он (генеральный прокурор)

рассказал, как вопреки совету судебных органов г-н Х стал нотариусом в последний день пребывания на своем посту покойного г-на [ЗК] (бывшего в то время Министром юстиции); он упомянул, что в очень короткий промежуток времени (несколько лет) ему удалось превратить дышащую на ладан контору в преуспевающее дело с официальным доходом 32 миллиона бельгийских франков в год. Очевидно, он сомневался, что нотариус мог добиться такого дохода законными и честными средствами, принимая во внимание разгоревшийся тогда имущественный кризис; кроме того, ему казалось, что в то время против г-на Х уже было возбуждено уголовное преследование в связи с его деятельностью в качестве нотариуса'.

Он был прав. В 1984 г. нотариус был даже условно осужден Дисциплинарным советом. Генеральная прокуратура (опять!) не приняла во внимание это наказание. Между тем против нотариуса было возбуждено еще одно уголовное дело по обвинению в подлоге.

Хуже всего то, что нотариус публично высказывает свои симпатии к нацистам. Из записанных отделом уголовного розыска Мехелена заявлений явствует, что он считает геноцид шести миллионов евреев 'американской выдумкой'. На его свадьбе нотариус и отец отдавали друг другу нацистский салют и во всю глотку горланили нацистские песни.

Однако нотариус идет намного дальше. Он хочет воспитать своих детей по гитлеровским принципам. Поэтому они должны учиться терпеть боль и переносить унижение и страх. Сам Гитлер так описывает гитлеровское воспитание:

'Я придерживаюсь жесткой философии образования. Слабых нужно бить и вытеснять. Мои элитные школы будут готовить молодежь, которая будет наводить на мир страх. Я хочу, чтобы молодые люди были неистовыми, властными, невозмутимыми и беспощадными. Именно такими должны быть молодые люди. Они должны уметь терпеть боль. Они не должны показывать слабости или мягкосердечности. В их глазах должен сиять искрящийся, свободный взгляд хищного животного. Я хочу, чтобы моя молодежь была сильной и красивой ... Тогда я смогу построить что-то новое'.

Мало что можно добавить к этому. Разве что сказать, что в интересах детей настало время принять, наконец, всерьез медицинские свидетельства, отчеты и показания, представленные судебным экспертом, судебным приставом и детскими психиатрами, и что решение в этом деле должно приниматься на основе фактов, а не на основе общественного положения и влияния одной из сторон. На карту поставлено доверие общественности к системе отправления правосудия".

Статья была иллюстрирована тем, что заявители назвали фотографиями повреждений, нанесенных Виму в мае; двумя рисунками, один из которых, как указывалось, был сделан Яном, а другой - Вимом; в ней также содержались выдержки из протокола допроса "Яна", якобы проведенного сержантом уголовной полиции [ЗВ] 6 марта 1984 г.

22. 6 ноября 1986 г. появилась четвертая статья г-на Де Хаэса и г-на Гийселса. В ней было сказано следующее:

"...

В прошедший четверг дело Вима и Яна приняло драматический правовой поворот. По ходатайству генерального прокурора [УМ], Кассационный суд отозвал дело X из суда Антверпена и передал его в Суд Гента [первой инстанции] в надежде на то, что гентские магистраты окажутся менее предвзятыми. Борьба между юридическими и медицинскими кругами в деле Вима и Яна достигла кульминационной точки. В качестве последней попытки призвать антверпенских магистратов к благоразумию, четверо видных экспертов отправили совместное письмо генеральному прокурору [УЈ], клянясь своей честью, что они на 100 % убеждены, что дети г-на X стали жертвами сексуального и физического насилия. Профессиональная компетентность этих четырех экспертов не может быть поставлена под сомнение, - даже антверпенскими магистратами. Это - профессор [МD] (профессор педиатрии в Университете Антверпена, директор антверпенской детской больницы "АКА" и директор Антверпенского медицинского центра по реабилитации детей, подвергшихся жестокому обращению); профессор [МС] (профессор педиатрии в Католическом университете Лёвена, заведующий Университетской детской клиникой в Лёвене и президент Национального совета против жестокого обращения с детьми); профессор [МА] (профессор детской и юношеской психиатрии в больнице при Католическом университете Лёвена, которого генеральный прокурор [УЈ] назначил исследовать материалы дела); и доктор [МВ] (детский психиатр и психоаналитик, назначенный судом в качестве эксперта).

К своему письму они приложили список из десяти отдельных доказательств, каждое из которых само по себе могло бы, в любом другом деле, повлечь за собой возбуждение уголовного дела и даже арест. Цель этих ученых ясна. Они добивались от судов временной 'защитной меры', в результате которой до вынесения окончательного судебного решения дети помещались бы в один из трех имеющихся во Фландрии медицинских центров по реабилитации детей, подвергшихся жестокому обращению. Ответа не последовало. Соответствующие магистраты никак не отреагировали. Реакция последовала со стороны Медицинской ассоциации, - она запретила профессорам [МА] и [МС] высказывать свои мнения. Снова вместо того, чтобы выслушать сообщение посыльного, его убивают.

Политики также отреагировали. Министр юстиции, Жан Голь, пожелал ознакомиться с материалами дела и внимательно наблюдает за его развитием, но он бессилён вмешаться из-за конституционного принципа разделения властей. А члены Европейского Парламента Йеф Ульбургс, Анн-Мари Лизен ... и Пол Стаэс ... представили на рассмотрение Европейского Парламента проект резолюции с требованием провести надлежащее расследование и принять неотложные меры с тем, чтобы положить конец тому опасному положению, в котором оказались дети.

Становится все труднее и труднее скрывать материалы дела от общественности. Министерство юстиции засыпано десятками разгневанных писем. На ступенях антверпенских судов продолжаются еженедельные молчаливые демонстрации, а на прошлой неделе, в ночь на понедельник, по всему центру города были расклеены плакаты, разоблачающие имя и фамилию г-на X. Кампания по расклеиванию плакатов, вызвавшая смешанные чувства в среде журналистов и юристов, перевела дискуссию вокруг дела X в новую плоскость.

..."

23. 27 ноября 1986 г. вышла в свет пятая статья заявителей. В ней говорилось следующее:

"...

Высказанное нами две недели назад предположение, что жутко медленные подвижки в деле Вима и Яна, скорее всего, полностью застопорят дело в судах Антверпена, оправдалось на все 100 %. Наперекор всем свидетельствам, Кассационный суд посчитал, что антверпенские суды нельзя обвинить в какой-либо предвзятости в этом деле о кровосмешении, и поэтому разбирательство всего дела целиком может быть продолжено в Антверпене.

Параллельно решению Кассационного суда произошло несколько других поразительных событий. Нотариус г-н X, называемый таким образом с тем, чтобы уберечь от возможных потрясений Вима и Яна, теперь выступает публично и дает интервью, иногда даже в сопровождении своих детей. То обстоятельство, что его имя (а потому и имена его маленьких мальчиков) теперь появляются в прессе, похоже, вовсе его не тревожит.

Еще один результат - то, что средства массовой информации наконец-то прервали многомесячное молчание, а некоторые редакторы совсем потеряли голову.

Нас очень тревожит, что определенные ежедневные и еженедельные газеты пытаются умалить дело X, называя его заурядным бракоразводным процессом, в котором обе стороны набрасываются друг на друга с самыми отвратительными обвинениями. В этом поистине не слишком приятном процессе 'бракоразводный' аспект является только незначительной деталью; кроме того, он представляет собой совсем другой вопрос. Действительно, мы не опубликовали ни единого слова на эту тему, и не собираемся отступить от своей линии в дальнейшем, поскольку это - чисто конфиденциальный вопрос.

Реально в данном деле нас волнуют такие вопросы, как очень серьезные обвинения в кровосмешении и жестоком обращении с детьми, подтверждаемые медицинскими

справками и свидетельствами, и в высшей мере странный подход судов к разбирательству этих обвинений. Положение дел перестало быть частью личной жизни двух людей, но касается всех нас. Более того, дело г-на X - всего лишь верхушка айсберга и может рассматриваться как образчик других дел о кровосмешении. Именно по этой причине, и исключительно по этой причине, мы и написали о нем.

Между тем, некоторые ежедневные и еженедельные газеты включились в самую отвратительную погоню за сенсациями и жареными фактами; не имея ни малейшего представления об обстоятельствах данного дела, они предоставляют нотариусу целые развороты для обнародования своей версии событий. Свобода слова, конечно же, священна. Но выдвигали ли мы хоть раз на передний план мать Вима и Яна? Публиковали ли мы когда-нибудь ее мнение по делу? Нет. Отчеты еженедельника "Хум" о Виме и Яне всегда основывались исключительно на наших собственных расследованиях и на многочисленных подлинных документах.

Мы не написали ни единого слова, которое не опиралось бы на отчеты докторов, педиатров, судебных экспертов или судебного пристава. С того времени, как 26 июня увидела свет наша первая статья 'Кровосмешение во Фландрии получает оправдание', семья нотариуса пыталась пригласить руководство еженедельника "Хум" к обеденному столу для 'обсуждения' дела. Наша редакция всегда проводила последовательную политику: никакого обсуждения - пришлите нам документы, которые доказывали бы, что мы неправы, и мы их опубликуем. Мы сделали такое же предложение в [телевизионной программе] "Аргус", но до сих пор у г-на X не нашлось времени прислать нам его 'столь же многочисленные экспертные контрдоказательства'. Принимая во внимание его утверждения в "Кнак" и "Де ньове газет" об их существовании, странно, что журналисты этих газет до сих пор не получили этих опровергающих доказательств. Все, чем до сих пор пытался заниматься нотариус, так это замутить воду и представить дело таким образом, будто речь идет о его показаниях против показаний его жены.

...

В номере "Кнак" за 5 ноября нотариус раскрывает еще одну новую находку: фотографии были сняты не судебным приставом, а его бывшей женой, и они были сфальсифицированы с помощью 'красной мази'. Мы повторяем: если синяки были вызваны падением с лестницы, то зачем тогда нужно было подделывать их с помощью красной мази? Правда, что фотографии сняты его женой, но она сделала их в присутствии судебного пристава. К тому же, они были специально присовокуплены к отчету судебного пристава.

Но независимо от всего этого, истина заключается в том, что судебный пристав тоже сделал фотографии.

...

Только лишь красная мазь? Все подделано, чтобы было лучше видно?

...

Кроме того, это не единственные сделанные в тот период фотографии ушибов. Доктор [МС] также сделал многочисленные фотографии повреждений и 'аномального раздражения пениса и перианальной области', и они были включены в его отчеты. Нотариус утверждает, что доказательства отсутствуют. Неужели действительно требуется напечатать фотографию воспаленных анусов его маленьких мальчиков?

У суда, для которого судебный пристав составил отчет и сделал фотографии, не возникло ни малейших сомнений относительно их подлинности; четыре месяца назад он безоговорочно приобщил их к досье по делу. На то были серьезные основания. [ZM], судебный пристав, сделал фотографии с помощью фотоаппарата "Поляроид" в присутствии свидетелей. Фотоаппарат этого типа позволяет получить фотографию в течение всего нескольких секунд. Невозможно подделать фотографии, сделанные с помощью такого фотоаппарата. Г-н Х очень хорошо знает, почему он не начал судебного преследования против судебного пристава, и почему он опубликовал свои инсинуации только в некоторых газетах и журналах.

К тактике блефа нотариус прибегает не впервые. Следующая выдержка из "Кнак" весьма впечатляет: 'Он охотно признает, что оказывал давление на нескольких докторов, избил своего шурина и, после получения предупреждения изнутри редакции "Хум", угрожал журналу Альберта Фрера, добиваясь вычеркивания его имени из статей, но не считает ничего из вышеизложенного запугиванием и полагает, что в его злополучном положении другие повели бы себя намного хуже'.

Утверждение г-на Х о том, что он добивался вычеркивания своего имени из статей еженедельника "Хум" - лишь одна из его многочисленных выдумок. В то время он требовал не больше и не меньше, как введения полной цензуры: статья не должна была быть опубликована! Со своей стороны, нам никогда не приходило в голову упоминать имя нотариуса и его семьи. Поэтому это имя никогда не появилось ни в одном черновике, даже в проекте черновика. Мы в еженедельнике "Хум" всегда рассматривали это дело не в качестве критики в адрес частного лица (и в этой связи мы полностью отмежевываемся от организаторов кампании по расклейке плакатов, сделавших имя нотариуса известным на весь Антверпен), а в качестве критики сомнительных методов, применявшихся судами при его разбирательстве.

...

Г-ну Х доставляет удовольствие подчеркивать на каждом углу, что суды и официально назначенные эксперты находятся на его стороне. 'Он сказал нам, что отчет трех экспертов из «АКА» (назначенных судьей Суда по делам несовершеннолетних [YL] - *Редактор.*) будет опубликован в среду, но он уже может раскрыть, что отчет доказывает полную его невиновность' («Алгемеен дагблад», 1.11.86).

'На этой неделе он надеется распространить отчеты докторов [MI], [MK] и [MJ], назначенных экспертами Судом по делам несовершеннолетних год назад(!). "Они единодушны и полностью благоприятны для меня" [говорит он] ...' ("Кнак", 5.11.86)

Г-н Х излучал такую уверенность, что мы попались в ловушку (см. нашу предыдущую статью) и поверили, что отчеты снимают с него все подозрения. Так как на тот момент отчеты еще не поступили в суд, мы задались вопросом: 'Неужели нотариус обладает не заподозренным до сих пор даром ясновидения, или у него была возможность ознакомиться с отчетами еще до их поступления в Суде по делам несовершеннолетних'?

Мы не знаем. Но мы знаем, что в своих интервью нотариус показывает истине длинный нос. Три отчета не вполне благоприятны для него. Выводы из отчета психиатра [MK], какими бы сбивчивыми и путанными они не были, явно указывают, что материалы дела дают веские основания полагать, что имело место сексуальное и физическое насилие, но что отсутствует абсолютное, неопровержимое доказательство. Используя условное наклонение, [MK] добавляет, что рассказы Вима и Яна могли явиться результатом 'подучивания и науськивания' со стороны матери. Другими словами, [MK] сознается в своем фактическом незнании. Во всяком случае, вряд ли можно сказать, что этот отчет полностью благоприятен для г-на Х. Нотариус лгал прессе и о других вещах. По его словам, дети боятся Мехелена, где проживает мать, - тогда как согласно отчету [MK], один из детей очень хорошо относится к месту жительства матери и очень плохо - к месту жительства отца. Другой ребенок иногда предпочитает оставаться в Антверпене, а в другое время ему больше нравится жить в Мехелене. Более того, [MK] считает, что детей следует поместить в приемную семью и разрешить доступ к ним обоим родителям.

На прошлой неделе поступил также экспертный отчет доктора [MJ]. Ключевой свидетель в связи с дурным обращением от 16 мая, [MJ] заключает, что оно никогда не имело места. Еще один образчик мудрости эксперта: с одной стороны, в своем отчете он констатирует, что дети хотят остаться с матерью, а с другой, рекомендует после развода отдать их под опеку отца, с предоставлением матери права ограниченного доступа к ним. В качестве немедленного шага он, как и [MK], рекомендует поместить детей в нейтральное окружение, с предоставлением обоим родителям почти неограниченного доступа к ним. Безусловно, нужно самому быть экспертом, чтобы понять такое количество противоречий.

...

В отличие от противоречивых и непоследовательных отчетов этих докторов существуют неопровержимые и недвусмысленные отчеты профессора [MA]:

'Учитывая, что дети вновь подверглись сексуальному насилию со стороны отца, я считаю, что любой дальнейший контакт между отцом и детьми был бы в данное время крайне пагубным для последующего развития детей. Положение принимает угрожающий характер, потому что серьезной опасности подвергается их психическое и личностное развитие. В связи с этим, я считаю необходимым срочно вмешаться в ситуацию, в соответствии со статьей 36 (2) (дети в опасности) Закона о защите детей'. (август 1984)

Судебный эксперт [МВ], назначенный ведущим судебное следствие судьей [УЕ], отмечает:

'Все осмотры Вима и Яна приводят к одному и тому же заключению: оба ребенка описывают сексуальный контакт с папочкой. У Вима протекает процесс ассимиляции психологической травмы в подсознательное. Для Яна процесс ассимиляции еще более затруднен. Утверждения детей кажутся заслуживающими доверия, и я изложил ряд своих аргументов на этот счет' (август 1984 г.).

Доктор [МС], который осматривал детей двадцать два раза (а не двенадцать, как снова лжет нотариус в "Де ньюе газет") и в семнадцати случаях обнаружил неслучайные повреждения, констатирует:

'В интересах обоих детей следует незамедлительно издать судебное распоряжение с тем, чтобы полностью и навсегда вывести их из-под влияния отца. Любое дальнейшее промедление не будет иметь оправдания с медицинской точки зрения'. (май 1986 г.)

Стыдно, что суды Антверпена отказываются считаться с этими доказательствами".

В качестве иллюстраций к статье были приведены два других рисунка, которые, как утверждалось, были сделаны детьми; статья также содержала то, что, по словам заявителей, представляло собой извлечение из отчета судебного пристава [ЗМ]; в нем описывались кровоподтеки на обеих ногах младшего мальчика.

24. Вслед за решением от 29 сентября 1988 г. (см. п. 11 выше), г-н Де Хаэс и г-н Гийселс 14 октября 1988 г. опубликовали статью, в которой говорилось следующее:

" ...

29 сентября Суд первой инстанции Брюсселя вынес решение по делу, возбужденному против еженедельника "Хум" судьями Апелляционного суда Антверпена в связи с нашей

статьей о нотариусе г-не Х. “Хум” проиграл во всех отношениях. Это решение не только безнадежно немотивированно, но и полностью неудовлетворительно. Вице-президент [YF] и другие судьи, [YG] и [YH], небрежно подошли к рассмотрению дела. Они не захотели прислушаться к очень сильным аргументам еженедельника “Хум”, а от дискуссии о взаимоотношениях между средствами массовой информации и системой правосудия, которая важна для прессы в целом, просто отмахнулись. Нам интересно, действительно ли их светлости прочли доводы еженедельника “Хум”.

Суд первой инстанции Брюсселя избрал простой путь, обвинив нас в том, что 'инсинуации и оскорбительные обвинения' против судей 'не основаны ни на чем, кроме слухов и злонамеренных искажений'. Всей Фландрии, за исключением, по-видимому, господ [YF], [YG] и [YH], известно, что наши сомнения в честности магистратов Апелляционного суда Антверпена были основаны (и продолжают оставаться таковыми) на целом ряде медицинских отчетов, которые мы уже дословно цитировали, так что не может быть и речи о каком-либо злонамеренном искажении. Неужели журналисты поступают незаконно, приводя исключительно дословные выдержки из медицинских отчетов и известные и доказанные факты?

Нас также обвиняют в том, что мы занимаемся очернительством частной жизни антверпенских судей. Но “Хум” никогда не публиковал ничего, связанного с частной жизнью судей. Мы строго и сознательно придерживались рассмотрения только тех вопросов, которые напрямую касаются дела и могут быть проверены с помощью исторических книг и статей в прессе. Как можно было признать аспектами частной жизни вопросы, которые столь очевидно и бесспорно являются всеобщим достоянием?

Далее в мотивировочной части своего решения судьи [YF], [YG] и [YH] утверждают, будто мы 'принимаем на веру заявление, сделанное бывшей женой г-на Х и ее советником-экспертом (профессором [МА])'. Нас совершенно не волнует заявление бывшей жены г-на Х. Мы всегда сосредоточивали свое внимание только на медицинских данных и отчетах многочисленных докторов.

Однако суд первой инстанции просто уклонятся от этих фактов.

Более того, искусно обойденным оказался один из важнейших аспектов дела г-на Х: столкновение между медицинским и судебским корпусом. Суд заявляет, что на журналистах лежит обязанность 'стремиться соблюдать истину', - изречение, под которым мы с удовольствием подписываемся, но такая же точно обязанность возлагается и на судей.

Решение суда первой инстанции становится достойным пера Кафки, когда медицинские отчеты оспариваются в нем простой ссылкой на решение судьи Апелляционного суда, который сознательно отказался серьезно разбирать эти отчеты, - именно такое отношение осудил еженедельник “Хум”. На что у нас имеются свои основания. Но что делают судьи Суда первой инстанции Брюсселя? Они используют решения своих коллег-судей как

доказательства против еженедельника "Хум". Другими словами, истину можно найти только в приговорах антверпенских судей. Если дело обстоит таким образом, то всякий, кто оспаривает правильность судебного решения, в том числе в печати, рискует сам оказаться виноватым, поскольку судья всегда прав. В будущем мы будем публиковать в нашей газете не правду, а 'официальную правду и ничего кроме официальной правды'. Этого ли желает народ?

Очевидно, что бруссельским судьям [YF], [YG] и [YH] не удалось вынести решение с необходимой степенью отстраненности и независимости от своих коллег - судей Апелляционного суда Антверпена. Тем самым они примкнули к курсу предвзятых решений, осужденному нами в деле г-на X. Соответственно, наш еженедельник собирается опротестовать это решение".

II. Соответствующее национальное законодательство

25. Первый параграф бывшей статьи 18 (ныне - статья 25) Конституции гласит:

"Пресса должна быть свободной; запрещается какая бы то ни было цензура; от писателей, издателей и типографий нельзя требовать какого бы то ни было залога или денежного обеспечения".

26. Соответствующие положения Гражданского кодекса сформулированы следующим образом:

Статья 1382

"Любое совершенное лицом действие, которое наносит ущерб другому лицу, возлагает на лицо, по чьей вине нанесен ущерб, ответственность за его возмещение".

Статья 1383

"Каждый несет ответственность за ущерб, нанесенный не только по причине его действия, но и вследствие его бездействия или небрежности".

В соответствии с теорией права и установившейся судебной практикой, нарушение уголовного законодательства само по себе составляет вину в смысле статьи 1382 Гражданского кодекса (см. L. Cornelis, «Beginselen van het Belgische buitencontractuele aansprakelijkheidsrecht», стр. 62, № 41; решения Кассационного суда от 31 января 1980 г.

(Pasicrisie 1980, I, стр. 622) и от 13 февраля 1988 г. (Rechtskundig Weekblad 1988-89, col. 159)). Таким образом, статьи 1382 и 1383 Гражданского кодекса служат основанием для гражданских исков о злоупотреблении свободой печати (решение Кассационного суда от 4 декабря 1952 г., Pasicrisie 1953, I, стр. 215). Публикация считается злоупотреблением, если она нарушает уголовное положение (при этом, однако, нет необходимости в наличии всех составляющих правонарушения), распространяет опрометчивые обвинения без достаточных доказательств, употребляет неоправданно оскорбительные или сильно преувеличенные выражения, либо не уважает частную жизнь или неприкосновенность личной жизни.

27. Статьи 443-449 и 561, 7 Уголовного кодекса предусматривают наказания за диффамацию и оскорбления личности. Согласно статье 450, эти нарушения, совершенные против частных лиц, могут преследоваться только на основании жалобы потерпевшей стороны либо, если это лицо умерло, его супруга, потомков или законных наследников вплоть до третьего колена. Статьи 275 и 276 того же кодекса предусматривают наказания за оскорбление членов обычных судов.

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

28. Г-н Де Хаэс и г-н Гийселс 12 марта 1992 г. подали жалобу в Комиссию. Они утверждали, что вынесенные против них судебные решения нарушают их право на свободу слова, которая гарантируется статьей 10 Конвенции, и что они основываются на ошибочном толковании статьи 8. Они также заявляли, что им не удалось добиться справедливого и публичного разбирательства дела независимым и беспристрастным судом в смысле статьи 6.

29. Комиссия объявила жалобу (№ 19983/92) приемлемой 24 февраля 1995 г. В своем докладе от 29 ноября 1995 г. (статья 31) она установила факты и выразила мнение, что имело место нарушение статьи 10 (шестью голосами против трех) и статьи 6 (единогласно) Конвенции, но не было нарушения статьи 8. Полный текст мнения Комиссии и двух содержащихся в докладе особых мнений воспроизведен в приложении к настоящему постановлению.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СУД

30. В своем меморандуме Правительство просило Суд "вынести решение о том, что нарушение статей 6 и 10 Конвенции место не имело".

31. В своем меморандуме заявители просили Суд "вынести решение о том, что имело место нарушение статей 6 и 10 Конвенции".

Вопросы права

I. О предполагаемом нарушении статьи 10 Конвенции

32. Заявители утверждали, что вынесенные против них решения суда первой инстанции и Апелляционного суда повлекли нарушение статьи 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

33. Судебное решение в отношении заявителей, несомненно, должно рассматриваться как «вмешательство» в осуществление ими свободы слова. Очевидно, что вмешательство было «предусмотрено законом» и преследовало, по крайней мере, одну из правомерных целей, о которых говорится в п. 2 статьи 10, - защиту репутации или прав других лиц, в данном случае, - прав судей и генерального адвоката, которые предъявили иск.

Суд согласен с этим. Теперь следует установить, было ли такое вмешательство «необходимым в демократическом обществе» для достижения указанной цели.

34. Г-н Де Хаэс и г-н Гийселс подчеркнули, что их статьи вписываются в публичную дискуссию, которая велась и на страницах других газет, о кровосмешении во Фландрии и о том, как судебные власти подходят к данной проблеме. Перед написанием статей они проделали большую подготовительную работу и запросили мнение ряда экспертов, что позволило им строить свои статьи на объективных доказательствах. Единственная причина, по которой они не представили эти доказательства в суде, состоит в том, что они не хотели раскрывать источники своей информации. Отказ брюссельских судов, - как первой инстанции, так и апелляционного - допустить в качестве доказательства упомянутые документы, привел, таким образом, к нарушению статьи 10.

Что касается критики магистратов, то она, по их мнению, не может служить основанием для наказания только потому, что критические замечания расходились с решениями Апелляционного суда Антверпена. Установление «судебной истины» не означает, что любое другое мнение должно рассматриваться как ложное. Однако именно это и случилось в данном деле, хотя спорные статьи и основывались на достаточно объективной информации. Короче говоря, обжалуемое вмешательство не было необходимым в демократическом обществе.

35. Комиссия по существу приняла эту аргументацию.

36. Правительство утверждало, что оспариваемые публикации в прессе были далеки от того, чтобы стимулировать дискуссию о функционировании судебной системы в Бельгии, и содержали лишь личные оскорбления, направленные против магистратов Антверпена, а потому не заслуживали повышенной защиты, действующей, когда речь идет о политических взглядах. Журналисты не могут претендовать на неприкосновенность только на том основании, что достоверность их высказываний не может быть проверена. В данном случае авторы статей понесли наказание за то, что преступили грань допустимой критики. Было вполне возможным возражать против того, как суд рассмотрел дело против г-на X, не прибегая в то же время к нападкам личного характера на магистратов и не обвиняя их в предвзятости и «отсутствии независимости». В этой связи следует также иметь в виду, что возлагаемая на служителей правосудия обязанность проявлять сдержанность не позволяет им реагировать и защищать себя так, как это делают, например, политики.

37. Суд подчеркнул, что пресса играет важнейшую роль в демократическом обществе. Хотя она и не должна преступать определенных границ, в частности, в отношении репутации и прав других лиц, тем не менее, ее долг состоит в том, чтобы сообщать - любым способом, который не противоречит ее обязанностям и ответственности, - информацию и идеи по всем вопросам, представляющим общественный интерес, включая и те, которые относятся к функционированию судебных органов.

Суды - гаранты правосудия, их роль является ключевой в государстве, основанном на верховенстве закона. Поэтому они должны пользоваться доверием общественности и соответственно быть защищены от ничем не обоснованных нападков, особенно имея в виду то обстоятельство, что на судьях лежит долг сдержанности, не позволяющий им отвечать на критику.

В этом вопросе, как и в других, в первую очередь национальным властям надлежит определять необходимость вмешательства в осуществление свободы слова. Однако то, что они могут делать в этой связи, находится под европейским контролем, касающимся как самого законодательства, так и решений правоприменительных органов, включая даже те, что вынесены независимыми судами (см. *mutatis mutandis* постановление по делу *Прагер и Обершлик против Австрии* от 26 апреля 1995 г. Серия А, т. 313, стр. 17-18, п. 34-35).

38. Суд прежде всего отмечает, что судебное решение против заявителей было основано на всех статьях о деле X, опубликованных ими в период между 26 июня и 27 ноября 1986 г.

Это должно быть принято во внимание при оценке масштабов и необходимости обжалуемого вмешательства.

39. В статьях содержится масса подробной информации об обстоятельствах, в которых принималось решение о том, чтобы оставить детей при отце. Эта информация основывалась на тщательном изучении всех обвинений против г-на X и мнении нескольких экспертов.

Даже Апелляционный суд Антверпена посчитал, что у жены, тестя и тещи г-на X, обвиненных в диффамации, «не было основательных причин сомневаться в достоверности фактов», о которых идет речь (см. п. 8 выше).

Раз это так, то заявителей нельзя упрекнуть в том, что они проявили недобросовестность при исполнении своих профессиональных обязанностей, опубликовав то, что они узнали по делу. На прессе лежит долг сообщать информацию и идеи, представляющие общественный интерес. Ее задаче сообщать такую информацию и идеи соответствует право общественности получать их (см., среди других источников, постановление по делу *Йерсилд против Дании* от 23 сентября 1994 г. Серия А, т. 298, стр. 23, п. 31, и судебное постановление по делу *Гудвин против Соединенного Королевства* от 27 марта 1996 г. Reports of Judgments and Decisions, 1996-II, стр. 500, п. 39). Это особенно справедливо в отношении настоящего дела, учитывая серьезность обвинений, которые касаются как судьбы малолетних детей, так и функционирования системы правосудия в Антверпене. Более того, заявители высказались на этот счет совершенно ясно в своей статье от 18 сентября 1986 г.:

«Прессе не подобает брать на себя роль суда, но в этом вопиющем случае хранить молчание невозможно и немислимо» (см. п. 21 выше).

40. Более того, следует отметить, что возбудившие дело магистраты ни в суде первой инстанции, ни в Апелляционном суде не попытались поставить под сомнение опубликованную информацию об участии детей г-на Х. Было только заявлено, что указанное дело изъято из производства в судах Антверпена (см. п. 22 и 23 выше). Однако значимость последнего обстоятельства по сравнению с оспариваемыми статьями в целом и то, что заявители сами исправили допущенную ими ошибку, означают, что данная неточность сама по себе не может поставить под сомнение серьезность проделанной журналистами работы.

41. По сути дела, судьи и генеральный адвокат жаловались главным образом на нападки личного характера, которым, как они считали, их подвергли в журналистских комментариях по поводу перипетий процедуры, в итоге которой дети остались при г-не Х. Обвинив их в явной предвзятости и трусости, журналисты, по мнению магистратов, позволили себе замечания диффамационного характера, оскорбительные для их достоинства. Кроме того, заявители обвинили двоих из них в неприкрытых симпатиях к ультраправым, грубо нарушив тем самым их право на уважение частной жизни.

Суды Брюсселя, по существу, подписались под этими утверждениями (см. п. 11 и 14 выше). Апелляционный суд обвинил заявителей главным образом в том, что они выступили с бездоказательными заявлениями по поводу частной жизни магистратов, а также в том, что утверждение об их предвзятости при рассмотрении дела о детях г-на Х имеет диффамационный характер. В судебном решении сказано:

«В данном деле апеллянты осмелились пойти еще дальше, бездоказательно утверждая, что предвзятость связана с личностями судей и генерального адвоката. Тем самым они вторглись в их частную жизнь, что, без сомнения, противозаконно.

Кроме того, цель настоящего судебного разбирательства не в том, чтобы решить, в чем заключается, в конечном счете, объективная истина по делу, а лишь в том, можно ли считать рассматриваемые комментарии клеветническими, в чем нет ни малейшего сомнения» (см. п. 14 выше).

42. Суд подчеркивает, что следует проводить четкое различие между фактами и оценочными суждениями. Существование фактов можно продемонстрировать,

тогда как справедливость оценочных суждений доказать нельзя (см. постановление по делу *Лингенс против Австрии* от 8 июля 1986 г. Серия А, т. 103, стр. 28, п. 46).

43. Говоря о заявлениях относительно политических симпатий некоторых магистратов-истцов, Апелляционный суд Брюсселя указал:

«Даже если апеллянты полагали возможным приписать ответчикам определенные идеологические взгляды (наличие которых у них они не сумели доказать), это ни в коем случае не позволяет им - даже если бы это было ими доказано - делать отсюда прямой вывод о том, что магистраты не были беспристрастны, и критиковать такую предвзятость публично» (см. п. 14 выше).

Отсюда следует, что, даже если бы утверждения, о которых идет речь, были правильными, заявителям не удалось бы избежать ответственности, поскольку она возлагалась на них не за распространение фактов, а за комментарии, которые они вызвали у журналистов.

44. В дополнение к информации, которую заявителям удалось собрать о поведении г-на Х по отношению к своим детям, которая сама по себе оправдывает критику решений, принятых судьями и генеральным адвокатом или с их помощью, заявители указали и на политические симпатии магистратов, полагая, что эти симпатии имели определенное отношение к вынесенным решениям.

45. Одно из утверждений по поводу предполагаемых политических симпатий было неприемлемым; оно касалось прошлого отца одного из судей (см. п. 19 выше). Нельзя считать приемлемым, когда человека дискредитируют за то, что произошло с одним из членов его семьи. Наказание было оправданным по причине одного этого утверждения.

Однако это был лишь один из эпизодов по данному делу. Заявители были осуждены за всю совокупность обвинений в предвзятости, сделанных ими в адрес трех судей и генерального адвоката, о которых идет речь.

46. В этой связи Суд подчеркивает, что свобода слова применяется не только по отношению к «информации» или «идеям», которые благоприятно воспринимаются в обществе либо рассматриваются как безобидные или не достойные внимания, но также и в отношении тех, которые шокируют, обижают или вызывают беспокойство у государства или части населения. Кроме того, журналистская свобода включает также возможность прибегнуть к некоторой степени преувеличения или даже провокации (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое постановление по делу *Прагера и Обершилика*, стр. 19, п. 38).

47. Если взглянуть на вещи в контексте данного дела, то обвинения, о которых идет речь, представляют собой не более чем мнения, истинность которых нельзя доказать по определению. Такие мнения могут быть преувеличенными и чрезмерными, в особенности при отсутствии какой-либо фактической основы, однако в данном случае дело обстоит иначе; в этом отношении настоящее дело отличается от дела *Прагера и Обершилика* (см. вышеупомянутое постановление, стр. 18, п. 37).

48. Хотя комментарии г-на Де Хаэса и г-на Гийселса, несомненно, были резко критическими, они, тем не менее, представляются соразмерными тому беспокойству и негодованию, которые были вызваны приведенными в статьях фактами. Относительно полемичного и даже агрессивного тона статей - чего Суд не одобрил, - следует помнить, что статья 10 защищает не только содержание идей

и информации, но также и форму, в которой они выражены (см. вышеупомянутое постановление по делу *Йерсилда*, стр. 23, п. 31).

49. В заключение, Суд считает, что с учетом серьезности обстоятельств дела необходимость вмешательства в осуществление заявителями их свободы слова не была доказана, за исключением того, что касается утверждений относительно прошлого отца одного из судей (см. п. 45 выше).

Таким образом, нарушение статьи 10 имело место.

II. О предполагаемом нарушении статьи 6 Конвенции

50. Заявители жаловались также на нарушение статьи 6 п. 1, которая предусматривает:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое... разбирательство дела... беспристрастным судом...»

Они, во-первых, критиковали Суд первой инстанции и Апелляционный суд Брюсселя за отказ допустить в качестве доказательств документы, на которых основываются оспариваемые статьи, или заслушать, по крайней мере, некоторых свидетелей (см. п. 10 и 12 выше). Это, по их мнению, привело к изначальному неравенству между, с одной стороны, магистратами, которые были знакомы с досье, а с другой - журналистами, которые пользовались лишь ограниченным числом источников для восстановления истины.

Более того, приводя аргументы против г-на Де Хаэса и г-на Гийселса на основании их статьи от 14 октября 1988 г. (см. п. 24 выше), Апелляционный суд Брюсселя вынес решение по вопросу, не входившему в его компетенцию, т. к. критиковавшиеся в этой статье судьи не были сторонами по делу в Апелляционном суде, а их решение, вынесенное в первой инстанции, не было упомянуто в первоначальном исковом заявлении. Таким образом, Апелляционный суд основывался на факте, который не стал предметом состязательной процедуры, что явилось нарушением права на защиту.

Наконец, уничижительные выражения в решении Апелляционного суда Брюсселя свидетельствуют об отсутствии субъективной беспристрастности у вынесших его судей.

51. Комиссия, по существу, разделила мнение заявителей по поводу последствий предполагаемого нарушения равенства сторон и надлежащей правовой процедуры. Она не сочла необходимым выразить какую-либо точку зрения по поводу беспристрастности Апелляционного суда Брюсселя.

52. Правительство утверждало, что доказательства, которые предлагали представить журналисты, были рассчитаны на то, чтобы поставить под вопрос решения по делу г-на X и его жены, т. е. *res judicata*. Поэтому суды Брюсселя имели все основания отвергнуть их, считая, что «установленная судом истина» была достаточно ясна из решений, вынесенных по делу г-на X. Короче говоря, представление доказательств, о которых идет речь, не имело решающего значения по делу, что и подтвердил Кассационный суд.

Что касается ссылки Апелляционного суда на опубликованную в прессе статью от 14 октября 1988 г., то она была избыточной, т. к. судебное решение против

заявителей исходило из других оснований. Ссылки на эту статью в исковых заявлениях магистратов должны были лишь продемонстрировать непрекращающуюся враждебность г-на Де Хаэса и г-на Гийселса.

53. Суд подчеркивает, что принцип равенства сторон - составной элемент более емкого понятия справедливого судебного разбирательства - требует, чтобы каждой из сторон была предоставлена разумная возможность представить свое дело в таких условиях, которые не ставят ее в существенно менее благоприятное положение по сравнению с оппонентом (см., среди других источников, постановление по делу *Анкерл против Швейцарии* от 23 октября 1996 г. «Отчеты», 1996-V, стр. 1565-1566, п. 38).

54. Суд отмечает, что в своих обращениях в Суд первой инстанции Брюсселя и в Апелляционный суд указанные судьи и генеральный адвокат утверждали, что критика в их адрес в еженедельнике «Хум» не соответствует фактам по делу и вынесенным ими или при их помощи четырем судебным решениям по этому делу. Таким образом, отрицая наличие какой-либо основы в аргументации журналистов, они сослались на содержание рассматривавшегося ими сами же дела, и на соответствующие судебные решения.

Такое утверждение, исходившее от судей и генерального адвоката, которые участвовали в рассмотрении этого дела, звучала настолько убедительно, что ее невозможно всерьез оспорить в судах, если у ответчиков не будет возможности представить хотя бы некоторые относящиеся к делу дополнительные документы или свидетельские показания.

55. В этом отношении Суд не разделяет мнения Апелляционного суда Брюсселя, что требование о представлении документов свидетельствовало об отсутствии осторожности при написании заявителями своих статей. Забота журналистов о том, чтобы не скомпрометировать свои источники информации, представив документы, о которых идет речь, была правомерна (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое постановление по делу *Гудвин против Соединенного Королевства*. «Отчеты», 1996-II, стр. 502, п. 45). Более того, в их статьях содержалось такое количество подробностей о судьбе детей г-на X и данных их медицинских обследований, что имеются разумные основания предположить, что их авторы располагали, по крайней мере, некоторой информацией, относящейся к делу.

56. Следует также отметить, что доводы журналистов вряд ли были совершенно необоснованными, т. к. еще до того, как судьи и генеральный адвокат возбудили против заявителей уголовное преследование, Суд первой инстанции Антверпена и Апелляционный суд Антверпена постановили в возбужденном г-ном X деле о клевете против его жены, тестя и тещи, что нет никаких оснований сомневаться в сделанных ответчиками утверждениях (см. п. 8 выше).

57. Во всяком случае, судебное дело, возбужденное против заявителей судьями и генеральным адвокатом, не относилось к существу судебного решения по делу г-на X, а касалось единственно вопроса о том, имели ли в подобных обстоятельствах заявители право выражать свое мнение так, как они это сделали. Для того чтобы дать ответ на этот вопрос, нет необходимости изучать все судебное досье по делу г-на X; важны только те документы, которые могли доказать или опровергнуть истинность утверждений журналистов.

58. Именно об этом они и просили Брюссельский суд первой инстанции и Апелляционный суд Брюсселя - ознакомиться с мнением трех профессоров, от

которых были получены сведения, побудившие заявителей написать свои статьи (см. п. 10 выше). Окончательный отказ удовлетворить их ходатайство поставил журналистов в существенно менее выгодное положение, чем истцов. Таким образом, имело место нарушение принципа равенства сторон.

59. Уже одно это обстоятельство является нарушением п. 1 статьи 6. Вследствие этого Суд не видит необходимости в рассмотрении других жалоб, предъявленных заявителями на основании этой статьи.

III. Применение статьи 50 Конвенции

60. Статья 50 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.»

A. Материальный ущерб

61. Заявители потребовали 113 101 бельгийский франк в возмещение материального ущерба. Эта сумма соответствует стоимости публикации решения Апелляционного суда Брюсселя от 5 февраля 1990 г. в еженедельнике «Хум» плюс «еще один франк» за публикацию того же самого решения в шести ежедневных газетах, которая еще не состоялась.

62. По этому поводу не поступило никаких замечаний ни от представителя Комиссии, ни от Правительства.

63. Так как публикация судебного решения была прямым следствием вынесения неправомерного постановления против заявителей, Суд считает данное требование оправданным.

B. Моральный вред

64. Журналисты потребовали также компенсацию в размере 500 тысяч бельгийских франков каждый за моральный вред, причиненный им негативной оглаской и психологическим дискомфортом, которые последовали за их осуждением.

65. Правительство считает, что признание Судом нарушения является достаточной компенсацией морального вреда, понесенного заявителями.

Представитель Комиссии точки зрения не высказал.

66. По мнению Суда, решения бельгийских судов против заявителей должны были вызвать у них определенные неприятные переживания. Однако сам факт признания нарушения Конвенции является достаточным и справедливым возмещением морального вреда.

С. Судебные издержки и расходы

67. Г-н Де Хаэс и г-н Гийселс потребовали 851 697 бельгийских франков за издержки и расходы, относящиеся к их юридическому представительству, а именно: 332 031 бельгийский франк, понесенный в связи с разбирательством в национальных судах и 519 666 бельгийских франков, понесенные в связи с разбирательством в учреждениях Конвенции, включая 179 666 бельгийских франков, потраченные на перевод материалов дела.

68. Замечаний ни от представителя Комиссии, ни от Правительства не поступило.

69. Соответственно, Суд удовлетворяет это требование.

Д. Проценты за просрочку

70. Согласно имеющейся у Суда информации, процентная ставка, которая действовала в Бельгии на дату принятия настоящего судебного постановления, составляет 7 % годовых.

По этим основаниям Суд

1. *Постановил* семью голосами против двух, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановил* единогласно, что имело место нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции;

3. *Постановил* единогласно, что государство-ответчик должно в течение трех месяцев выплатить заявителям 113 101 (сто тринадцать тысяч сто один) бельгийский франк за материальный ущерб и 851 697 (восемьсот пятьдесят одну тысячу шестьсот девяносто семь) бельгийских франков за издержки и расходы, на которые по истечении вышеуказанного трехмесячного периода начисляются простые проценты из расчета 7 % годовых вплоть до полного расчета;

4. *Постановил* единогласно, что настоящее судебное постановление само по себе составляет достаточно справедливое возмещение за понесенный моральный ущерб.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 24 февраля 1997 г.

Герберт Петцольд Рольф Риссдал

Секретарь Председатель

В соответствии с п. 2 статьи 51 Конвенции и п. 2 статьи 55 Регламента Суда В, к настоящему постановлению прилагаются следующие отдельные мнения:

частично особое мнение судьи Матчера;

частично особое мнение судьи Моренилья.

Частично особое мнение судьи Матчера

Я не могу согласиться с большинством Палаты в том, что она усмотрела нарушение статьи 10.

Полностью подписываясь под всем сказанным Палатой по поводу свободы слова и, в частности, относительно значения свободы печати в демократическом обществе, я считаю, что Палата не смогла осознать границ этой свободы, что также весьма существенно в цивилизованном демократическом обществе. И в самом деле, содержащаяся в п. 2 статьи 10 ссылка на «обязанности и ответственность», что является неотъемлемой принадлежностью свободы печати, по-видимому, не оказывает особого значения на принимаемые Судом решения.

Применяя эти принципы к настоящему случаю, я хотел бы сделать следующие замечания.

Заявители вправе критиковать решение Апелляционного суда Антверпена, оставившего детей при г-не X, т. к. имевшаяся в их распоряжении объективная информация оправдывала самую суровую критику такого решения; с учетом обстоятельств дела и вправду правомерно было задать вопрос: как судьи могли принять такое решение?

В чем я нахожу ошибку в опубликованных прессой статьях, - ошибку, за которую заявителям пришлось понести ответственность, хотя и сугубо номинальную, - это необоснованное обвинение судей, вынесших это решение, в том, что они действовали умышленно и недобросовестно из-за своих политических или идеологических симпатий, нарушив тем самым свой долг независимости и беспристрастности, и все это с целью защитить кого-то, чьи политические представления, по-видимому, схожи с теми, которых придерживаются сами эти судьи. Ничто не оправдывало подобную инсинуацию, даже если бы представлялось возможным установить, придерживались ли указанные судьи политических взглядов, о которых идет речь.

В подобных обстоятельствах вмешательство в виде судебного решения, направленного против заявителей, представлялось «необходимым» в смысле п. 2 статьи 10 и не было несоразмерным.

Частично особое мнение судьи Моренилья

1. К своему сожалению, я не могу согласиться с выводом большинства о нарушении статьи 10 Конвенции в данном случае. По моему мнению, решение бельгийских судов, осудивших заявителей за диффамацию, было необходимым в

демократическом обществе и соразмерным в том смысле, как это понимается в п. 2 статьи 10.

В оспариваемых решениях Брюссельского суда первой инстанции, Апелляционного суда Брюсселя и Кассационного суда было установлено, что ответчики-журналисты совершили недозволенные действия. С них было взыскано в пользу каждого из четырех истцов - магистратов Апелляционного суда Антверпена - по одному франку за причиненный моральный вред, и им было приказано опубликовать судебное решение полностью в еженедельном журнале «Хум», где ранее, в период между июлем и ноябрем 1986 г., были опубликованы пять статей, критиковавших судебные решения, вынесенные Третьим отделением указанного суда, в выражениях, которые судьи этого отделения сочли клеветническими. Истцам было также разрешено опубликовать данное судебное решение в шести ежедневных газетах за счет заявителей.

Решения, ставшие предметом разбирательства, были вынесены в ходе бракоразводного процесса, в результате которого Апелляционный суд оставил детей при отце, несмотря на утверждения матери, что он вступал с ними в кровосмесительную связь и дурно с ними обращался.

2. Как и большинство, я придерживаюсь той точки зрения, что оспариваемые решения, несомненно, были равносильны вмешательству в осуществление заявителями их права на свободу слова, включая свободу иметь мнение и право распространять информацию, что воплощено в статье 10 Конвенции. Возможность такого вмешательства предусмотрена статьей 1382 и последующими статьями Гражданского кодекса Бельгии и преследует цель защитить репутацию других лиц - в данном случае судей отделения Апелляционного суда, вынесших судебное решение, а также обеспечить авторитет и беспристрастность правосудия; все это законные цели в соответствии с п. 2 статьи 10 Конвенции.

3. Необходимость осуждения заявителей, таким образом, является заключительным условием, которому должно удовлетворять вмешательство, чтобы быть признанным правомерным в демократическом обществе в соответствии с п. 2 статьи 10 Конвенции. Это также и единственная причина моего расхождения с большинством, которое сочло, что данная мера не является ни необходимой, ни соразмерной, имея в виду ту основополагающую роль, которую выполняет пресса в государстве, где признается верховенство закона, а также принципиальную уместность критики в адрес функционирования системы правосудия.

4. Однако, с моей точки зрения, в статьях, о которых идет речь, помимо критики судебного решения по бракоразводному делу содержались суждения о судебной системе Бельгии вообще, политических взглядах названных поименно членов Апелляционного суда Антверпена, а также о прошлом отца одного из судей. Я считаю эти комментарии оскорбительными для судейского корпуса Бельгии и диффамационными в отношении магистратов Апелляционного суда. Последних заявители обвинили в умышленном вынесении несправедливого решения по причине дружбы или политической близости к одной из сторон судебного процесса, что равносильно обвинению в злоупотреблении должностным положением.

5. В статьях содержатся такие, например, выражения:

«Двое детей раздавлены неумолимыми челюстями слепого правосудия. Кровосмешение во Фландрии получает оправдание» или «Большинство судей

Третьего отделения Апелляционного суда, которые оставили детей у нотариуса, принадлежат к кругам, близким правому экстремизму. Судья [УВ] - сын большого «шишки» в жандармерии, который в 1948 г. был осужден за коллаборационизм... Так ли уж случайно, что у генерального прокурора [УЈ] такие же политические пристрастия, что и у семейства Х» (первая статья от 26 июня 1986 г.).

«Половина Фландрии шокирована столь извращенным правосудием». «Такого рода система грубого нагнетания давления, по-видимому, очень хорошо срабатывает в рамках нашей системы правосудия». «Благодаря новым данным перед нами теперь более четкая картина того, сколь часто и как вероломно суды манипулировали делом» (вторая статья от 17 июля 1986 г.). «Главная гарантия нашей демократии - независимая судебная система, - оказалась подорванной у самого основания» (третья статья от 18 сентября 1986 г.).

«Стыдно, что суды Антверпена отказываются считаться с этими доказательствами» (пятая статья от 27 ноября 1986 г.).

6. Рассматривая жалобу по другому делу, касающемуся обвинения журналиста и издателя за диффамационные высказывания в адрес судьи (вышеупомянутое постановление по делу *Прагер и Обершлик против Австрии* от 26 апреля 1995 г. (Серия А, т. 136), весьма похожему на данное, хотя и разбираемому в порядке уголовного судопроизводства, Суд подчеркнул необходимость найти правильный баланс между ролью прессы в деле распространения информации по вопросам, представляющим большой общественный интерес, к каковым относится и функционирование системы правосудия, с одной стороны, и защитой прав других лиц, а также «особой ролью судебной системы в обществе», где «в качестве гаранта правосудия, основополагающей ценности в правовом государстве, он должен пользоваться общественным доверием, если намерен и далее успешно выполнять свои обязанности», с другой стороны (п. 34).

7. Этот аспект свободы печати не только совместим со свободой слова, но и призван придать ей объективность, соблюдение которой необходимо, чтобы обеспечить правдивость и серьезность информации о функционировании судебной системы. Как сказал Суд по делу *Прагера и Обершлика*: «Поэтому может оказаться нужным защитить такое доверие от ничем не обоснованных нападок, особенно имея в виду то обстоятельство, что на судьях лежит долг сдержанности, не позволяющий им отвечать на критику» (там же).

8. В этом же постановлении Суд сказал: «Оценка этих факторов принадлежит прежде всего национальным властям, которые пользуются определенной сферой усмотрения при определении наличия оснований и степени необходимости вмешательства в осуществление свободы слова». Однако это усмотрение подлежит контролю со стороны институтов Совета Европы (п. 35). Рассматривая эти вопросы в свете Конвенции, Суд должен принимать в расчет то обстоятельство, что «пресса является одним из инструментов, с помощью которого политики и общественное мнение могут удостовериться, что судьи исполняют свои нелегкие обязанности в полном соответствии с той целью, которая лежит в основе возложенной на них задачи» (п. 34).

9. С моей точки зрения, решение о том, как квалифицировать упомянутые в оспариваемых судебных решениях места, касающиеся отсутствия беспристрастности у магистратов Апелляционного суда Антверпена, относится к сфере усмотрения национальных судов. Допущенные заявителями высказывания были равносильны оценочным суждениям о политических взглядах магистратов, о

которых идет речь, и о том воздействии, которое оказали эти взгляды и семейное происхождение судей на комментируемые в статьях решения. Такие оценочные суждения не поддаются доказательству, и они не могут служить оправданием для огульных обвинений, а также злобности и уничижительного характера использованных выражений.

10. Обжалуемые судебные решения имели своим предметом не критику «подлинности» фактов, установленных в ходе бракоразводного процесса, и не законность вынесенных судьями решений, а позорящие заявления, содержащиеся в этих статьях. Однако суды должны были рассмотреть всю совокупность вопросов. Этот дефект, с моей точки зрения, не влияет на осуждение заявителей за диффамацию, т. к. фактически в основе судебного решения лежат содержащиеся в их статьях оскорбительные заявления. Указанный дефект привел к нарушению статьи 6, которое Суд установил единогласно.

11. Я считаю, что оспариваемые решения не противоречат п. 2 статьи 10 Конвенции, поскольку выражения и заявления, использованные в статьях, подрывают репутацию судей, решавших дело в апелляционной инстанции, а также авторитет и независимость судейского корпуса.

© Перевод Института проблем информационного права (г.Москва), 2002